

**Военные
Приключения**

КОНЕЦ "САГО-МАРУ"

СЕРГЕЙ ДИКОВСКИЙ

Сергей Владимирович Диковский

Конец «Саго-Мару» (сборник)

Серия «Военные приключения»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6002435

Конец «Саго-мару»: повести, рассказы / Сергей Диковский: Вече;

Москва; 2010

ISBN 978-5-9533-4606-1

Аннотация

Нет покоя на самой восточной границе Советского Союза. То и дело пытаются тайно пересечь ее диверсанты, контрабандисты, вражеские агенты... Да и японцы стремятся проверить крепость рубежей «северного соседа». Но на пути у нарушителей встают вчерашние колхозники и рабочие, а ныне – советские пограничники. Произведения одного из основоположников отечественной военно-приключенческой литературы, давно признанные классикой.

Содержание

Приключения катера «Смелый»	5
Глава первая	5
Глава вторая	42
Глава третья	61
Глава четвертая	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Диковский

Конец «Саго- Мару» (сборник)

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Приключения катера «Смелый»

Глава первая Конец «Саго-Мару»

Я расскажу вам эту историю с одним только условием: разыщите в Ленинграде нашего моториста Сачкова. Сделать это нетрудно и без адресного стола.

Он живет в доме номер шесть, у Елагина моста. Если запомнить приметы, вы узнаете парня даже небритым.

Рост его сто семьдесят два – ниже меня примерно на голову. Глаза обыкновенные, волосы тоже. Грудь сильно шерстистая, а на плече, по старой флотской моде, выколот голубой якорек. В оркестре он первая домра, на футбольной площадке всегда левый хавбек.

Как только найдете, передайте Сачкову, что «Саго-Мару» не видно даже во время отлива. В прошлом году из воды еще торчала корма, а месяц назад, когда мы проходили мимо Бурунного мыса, на косе сидели только чайки. Так всегда бывает в этих местах: что не съест море – проглотит песок.

В 1934 году вместе с Сачковым мы служили на сторожевом катере «Смелый». Сачков – мотористом, я – руле-

вым. Славное было суденышко, короткое, толстобокое, точно грецкий орех, крашенное от топа до ватерлинии светлой шаровой краской, как и подобает пограничному кораблю. Весело было смотреть (разумеется, с берега), когда море играло с катером в чехарду, а «Смелый» шел вразвалочку, поплывывая и отряхиваясь от наседавшей волны. Не раз мы обходили на нем Камчатское побережье и знали каждый камень от Олюторки до Лопатки.

По совести говоря, «Смелый» доживал в отряде последние годы. Он был достаточно остойчив и крепок, чтобы выйти в море в любую погоду, но слишком нетороплив, чтобы использовать эти качества при встрече с противником.

Там, где успех операции зависел только от скорости, на «Смелый» трудно было рассчитывать... Так думали все кроме Сачкова. Это понятно. Сидя в машинном отделении, никогда не увидишь, что делается наверху. Кроме того, Сачков был упрям и обидчив. Стоило только за обедом заметить, что «Соболь» или «Кижуч» ходят быстрее, чем «Смелый», как наш механик мрачнел и откладывал ложку.

– А вы научитесь сначала отличать примус от дизеля, – советовал он обидчику, – вот тогда сядьте на «Соболя» и попробуйте меня обогнать.

Никаких возражений он не терпел и все, что говорилось о старом движке, принимал на свой счет... «Нет в море катера, кроме “Смелого”, и Сачков – механик его», – говорили про нас остряки.

У этого тощего остроносого парня была еще одна странность: он любил математику. Подсчитать, когда поезд обгонит улитку или во сколько минут можно наполнить бочку без днища, было для него пустяком.

Квадратные корни наш моторист извлекал быстрее, чем ротный фельдшер рвет зубы. Этому, конечно, трудно поверить, но я видел сам, как Сачков, получив увольнительный билет, шел в городской парк, ложился на траву и начинал щелкать задачи, точно кедровые орехи. При этом он улыбался и чмокал губами, как будто пробовал действительно что-нибудь путное.

Дошло до того, что Сачков стал решать задачи по ночам, зажигая под одеялом фонарь. Однажды он принес в кубрик и повесил рядом с портретом наркома какого-то бородатого грека, с пустыми глазами и бородой, закрученной не хуже мерлушки. Когда я указал ему на неуместность соседства, он махнул рукой и сказал:

– Не валийте дурака, Олещук. Что вы, Пифагора, что ли, не видели?

В то время мы еще не знали, что Сачков готовится в вуз, и сильно удивлялись чудачествам моториста.

Понятно, что математические успехи Сачкова никакого отношения к работе катера не имели. Если нам удавалось взять на буксир японскую хищную шхуну, облопавшуюся рыбой, точно треска, то зависело это вовсе не от умения моториста решать уравнения. С каждым походом мы все боль-

ше и больше ощущали медлительность нашего катера.

В тот год мы охраняли трехмильную зону на западном побережье, куда особенно любят заглядывать японские хищники-рыболовы. Море там невеселое, мутное, но урожайное, как нигде в мире.

Были здесь киты-полосатики, метровые крабы, кашалоты с рыбьими хвостами и мордами бегемота, камбалы величиной с колесо, тающая на солнце жирная сельдь, пятнистый минтай, пузатая треска, корюшка, пахнувшая на воздухе огурцами, морские ежи, рыба-черт, каракатицы, осьминоги, морские львы, ревущие на скалах у мыса Шипунского, бобры, котики, нерпы – словом, все, что дышит, ныряет, плавает, ползает в соленой воде.

Я не назвал красную рыбу и ее родичей – кету, горбушу и чавычу, но лососи – особый разговор... Рыба эта мечет икру только раз в жизни и обязательно в той реке, где нерестились ее предки. Каждый год, начиная с середины июля, лососи валом идут в пресную воду. Если река обмелеет, они будут ползти, если дорогу закроет коряжина или камень, они будут скакать.

В это время Камчатка теряет покой. Все, кто может отличить камбалу от кеты, надевают резиновые сапоги и лезут в воду навстречу лососю. В устьях рек появляются нерпы, отошавшие медведи выходят к ручьям, ездовые собаки, чую запах свежей юколы¹, скулят и рвут привязи.

¹ Юкола – вяленая рыба.

По ночам на берегу и в море горят огни. Рыба рвет сети, топит кунгасы. Вода в реках кипит. Ловцы, засольщики, резчики, курибаны² ходят облепленные чешуей, усталые, мокрые и веселые.

Оживают и хищники. Японские промышленники похожи на треску: чем больше рыбы, тем шире разевают они пасти. Я не пророк, но знаю твердо: когда-нибудь рыбий хвост станет им поперек горла.

«Железные китайцы»³ на консервных заводах жуют лососей круглые сутки, японские сезонники на арендных участках не вылезают из моря, пройдохи синдо ставят в неводах двойные открьлки⁴. Но этого мало. Господа из Хоккайдо посылают к Камчатке москитный флот, вооруженный переметами и сетями. Неуклюжие, но добротные кавасаки, вместительные сейнера, быстроходные шхуны, древние посудины с резными бушпритами, сверстники фрегата «Паллада», – сотни прожорливых хищников слетаются сюда, точно мухи на кухню. Самые мелкие идут с островов Курильской гряды – без компаса и без карт, с мешком сорного риса и бочкой тухлой редьки, напарываются на рифы, платят штрафы и все-таки пытаются воровать.

Их тактика труслива и нахальна. Если пограничный корабль поблизости, хищники держатся за пределами трех-

² Курибаны – приемщики лодок.

³ «Железные китайцы» – автоматы для резки и потрошения рыбы.

⁴ Открьлки – часть сетей.

мильной зоны; здесь они ждут, чинят сети, вяжут фуфайки или прохаживаются по палубе с таким видом, как будто не могут налюбоваться камчатскими сопками.

Стоит только отвернуться, как эта орава устремляется к берегу и с непостижимым проворством хватает рыбу за жабры.

Многие из хищников были хорошо нам знакомы. Любой из нашей команды мог за три мили узнать кавасаки «НГ-43» или двухмоторный катер «Хаяи», всегда таскавший за собой целую флотилию лодок. Особенно много крови испортила нам шхуна «Саго-Мару». Это было суденышко тонн на семьдесят, с крепким корпусом и хорошими обводами. В свежую погоду оно свободно давало миль десять – двенадцать, ровно столько, чтобы вовремя уйти в безопасную зону.

Вероятно, «Саго-Мару» имела базу поблизости, на острове Шимушу, потому что появлялась она с удивительным постоянством, каждый раз вблизи Бурунного мыса, где стоит японский консервный завод.

Намытая рекой песчаная отмель и мыс Бурунный образуют здесь неглубокий залив, в котором всегда плещется рыба. Трудно сказать, что привлекает ее в эту мутную воду, но в июле залив напоминает чан для засола сельдей.

Рыба проникает сюда в часы прилива через отмель и после отлива попадает как бы в мешок. В поисках выхода она устремляется через узкий проход вдоль мыса Бурунного. Вот тут-то она натывается на переметы или сети, украдкой рас-

ставленные японскими хищниками.

Рыбаки, преследующие треску и лосося в этом заливе, рискуют не меньше, чем рыба. Шхуна с осадкой семь футов может выйти отсюда, только держась в проходе параллельно мысу Бурунному. Однако это обстоятельство нисколько не смущало наших знакомых.

У шкипера «Саго-Мару» был замечательный нюх. Едва «Смелый» показывался милях в пяти от завода, как шхуна выбирала сети и уходила в безопасную зону.

В тот год катером командовал Колосков. Он был из керченских рыбаков – рассудительный, хитроватый, с упрямой толстой шеей и красными ручищами, вылезавшими из любого бушлата на целую четверть. Колосков преследовал «Саго-Мару» с холодным упорством и никогда не смущался исходом погони.

– Дальше моря все равно не уйдут... – убеждал он самого себя, ложась на обратный курс. – Быть треске на крючке.

Но сквозь шутку заметно пробивалась досада: нелегко смотреть пограничнику, как обкрадывают советские воды.

Весь май мы провели на восточном побережье Камчатки. Мы задержали там шхуну фирмы Ничиро и два кунгаса, полных сельди. В июне нас перебросили из Тихого океана в Охотское море, и счастье снова изменило нашей команде.

«Саго-Мару» продолжала обворовывать побережье. Иногда нам удавалось подойти к шхуне ближе трех миль, и все-таки она успевала уйти, отметив затопленные сети бочон-

ком или цинковкой. Однажды мы извлекли тресковый перемет длиной около полукилометра, в другой раз подняли затонувшую сеть, в которой задохнулось не меньше пятисот центнеров кеты и горбуши.

Все эти трофеи выглядели очень скромно по сравнению с возросшим нахальством «Саго-Мару». Она стала подпускать нас настолько близко, что мы различали лица команды. В таких случаях шкипер выходил на корму и протягивал нам конец.

Однажды мы дали предупредительный выстрел в воздух. На шхуне забегали и даже сбавили ход, но вскоре мотор застучал с удвоенной резвостью. Видимо, синдо убедил моториста в том, что пограничники не станут стрелять по безоружному судну.

Мы долго удивлялись собачьему нюху синдо, пока не обнаружили связи «Саго-Мару» с японским заводом.

Отделенные мысом от моря, хищники не могли заметить даже кончиков наших мачт. Зато с заводской площадки были отлично видны берег и море.

Каждый раз, когда мы появлялись в поле видимости, на сигнальной мачте, возле конторы, поднимался полосатый конус, указывающий направление ветра.

Вслед за этим невинным сигналом из-за мыса стрелой вылетала наша знакомая.

Мы гонялись за «Саго-Мару» весь июнь, караулили ее за Птичьим камнем, пытались подойти во время тумана, но все-

гда безуспешно... Когда мы добирались к месту лова, шхуна уже покачивалась за пределами трехмильной зоны.

В конце концов смеющаяся рожа синдо и желтые куртки команды настолько нам примелькались, что многие краснофлотцы стали их видеть во сне.

В июле, накануне хода лосося, наш катер встал на переборку мотора. Невеселое это было время. «Смелый» стоял на катках, без винта, гулкий, как бочка, и мы отдирали с его днища ракушки.

Доволен был только Сачков. Он приходил в кубрик поздно ночью, измазанный в нагаре и масле, умывался, стараясь не греметь умывальником, и на рассвете снова исчезал в мастерской.

Собрав мотор, он долго гонял его на стенде, выслушивал самодельным стетоскопом и, наконец, заявил:

– Бархат!.. Мурлыка!.. На цыпочках ходит.

Кто-то резонно ответил:

– Пусть кот на цыпочках ходит... Важно – как тянет...

– Зверь. С таким хоть на Северный полюс.

...Ночью мы вышли из бухты. Стояла такая тишина, что море казалось замерзшим. Воздух был свеж, плотен, мотор дышал полной грудью, и мы понеслись, точно по льду.

Как только маяк скрылся из виду, Сачков позвал меня в машинное отделение.

От зубов до ботинок моторист наш блестел не хуже медяшки. Он побрился, надел новую тельняшку и свежий че-

хол, одеколоном от него несло так, что щипало глаза.

Жестом фокусника Сачков наполнил кружку водой и поставил ее на кожух мотора.

– Чем не паккард? – спросил он ревниво.

Вода не дрожала. По мнению моториста, это было признаком безупречной подгонки мотора и вала. Я похвалил движок. Сачков сразу заулыбался.

– Я думаю, можно готовить буксирный конец, – сказал он, оглядывая мотор, точно квочка, – не забудь, крикни, когда мы подойдем к «Саго-Мару»... Я хочу поглядеть, как будет держаться их моторист...

– Ну а если...

– Тогда я прибавлю еще пять оборотов, – ответил он с сердцем.

На рассвете мы увидели невысокий деревянный маяк мыса Лопатка, знакомый каждому дальневосточному моряку. Маяк этот стоит на самом краю Камчатки, между Тихим океаном и Охотским морем, и в туманные дни предупреждает корабли об опасности звоном колокола.

На этот раз маяк молчал. Горизонт был чист. Легкий береговой бриз еле тормозил море.

Радуюсь утренней тишине, касатки выскакивали из воды, описывали крутую дугу и уходили на глубину, оставив светящийся след. Порой из-под самого носа «Смелого», работая крыльями, точно ножницами, вырывался испуганный топорок.

Мы подходили к Бурунному мысу, держась возле самого берега, но все-таки нас успели заметить. Кто-то из японцев подбежал к мачте и поднял условный знак – конус.

«Саго-Мару» не появлялась. На полном ходу мы обогнули мыс и чуть не налетели на японский кунгас, подходивший к заводу.

Здоровенные полуголые парни в пестрых платках и куртках из синей дабы вскочили и подняли оглушительный крик.

«Саго-Мару» стояла от нас не далее чем в трех кабельтовых. Даже без бинокля были видны груды рыбы на палубе и намотанный на шпиль кусок сети.

Вероятно, лебедка вышла из строя, потому что четверо матросов, поминутно оглядываясь на нас, выбирали якорь вручную.

Две небольшие исабунэ, заваленные рыбой до самых уключин, спешили к «Саго-Мару». Боцман бегал по палубе и покрикивал на гребцов. Но ловцы и не ждали понуканий: с горловыми отрывистыми выкриками они разом откидывались назад, – веслагнулись и рвали воду.

На палубе «Смелого» нас было трое: Колосков за штурвалом, возле него боец-первогодок Косицын, сырой, но старательный чувашский парняга, я – на носу, держа выброску наготове.

Полным ходом «Смелый» мчался на шхуну. Теперь нас разделяло всего два кабельтовых, но японцы, качаясь как заведенные, все еще продолжали выбирать якорную цепь.

Трудно было понять, на что рассчитывают хищники: исабунэ с ловцами только что подходили к борту, выход в море был отрезан сторожевым катером.

– Товарищ Косицын, – сказал Колосков почти весело, – возьмите кранец... Видите, гости не шевелятся... Облопались.

В это время у боцмана вырвался торжествующий крик. Якорь отделился от воды. Одновременно к борту подошли исабунэ с ловцами.

Поднимать лодки на тали уже было поздно. Мы видели, как рыбаки вскочили на шхуну, и «Саго-Мару», показав нам корму, пошла прямо к песчаной мели, отделявшей залив от реки.

В другое время это походило бы на самоубийство. Но теперь был полный прилив, и вода покрывала косу на несколько футов, – на сколько, мы еще не знали.

Мы с Колосковым, точно по команде, взглянули друг на друга.

– Какая у них все же осадка? – спросил командир.

– Шесть... Не больше семи...

– Я тоже так думаю.

С этими словами Колосков взял на полкорпуса влево и направился наперерез шхуне прямо на мель; по сравнению с «Саго-Мару» у нас под килем было в запасе два-три фута воды.

На стыке морской и речной воды нас сильно качнуло и

поставило лагом к течению.

Несколько секунд «Смелый» не слушался руля, затем переборол коловерть и ходко пошел вдогонку за шхуной. Мы были всего метрах в пятнадцать от нее, видели озадаченные лица команды и могли пересчитать даже рыбу, лежавшую навалом на палубе.

«Смелый» подходил к «Саго-Мару» левым бортом.

Косицын перенес сюда кранцы. Я крикнул японцам: «Стоп!» – и перекинул на палубу шхуны конец. Никто из команды не шелохнулся, и канат скользнул в воду.

Синдо, стоя на корме лицом к нам, курил медную трубку и поплеывал в воду с таким видом, будто за кормой шел не сторожевой катер, а безвредный дельфин.

– Бросьте кошку, – тихо сказал Колосков.

Я выбежал на нос и раскрутил на тресе полупудовую кошку. Железные крючья, скользнув по палубе «Саго-Мару», вцепились в фальшборт.

– Киринасай⁵! – крикнул синдо.

Боцман разрубил веревку ножом. На шхуне захохотали. Под одобрительные возгласы матросов синдо поднял с палубы лосося и помахал рыбьим хвостом.

Косицын впервые видел такое нахальство.

Не выдержав, он погрозил синдо кулаком и выругался. За это он немедленно получил замечание.

– Это нам ни к чему, – сказал Колосков. – Если нет вы-

⁵ Режь!

держки – отвернитесь... Вот так.

И он повернулся к разговорной трубке, шепча:

– Самый, самый полный!

– Есть... ам... полны... – ответил Сачков.

Некоторое время нам казалось, что «Саго-Мару» и «Смелый» стоят на месте, затем просвет несколько увеличился. Медленно, с тяжким усилием, шхуна оторвалась от катера.

– Еще два оборота... Еще... – зашептал Кружков, стараясь не глядеть на рыбий хвост.

– Есть... два оборота, – ответило эхо внизу.

Не хватало немного. Быть может, действительно нескольких оборотов винта. Но мыс, защищавший воду от ветра, уже оборвался, набежала волна и сразу сбила нам ход.

Через двадцать минут шхуна была за пределами трехмильной зоны. Синдо, помахав нам рукой, сбросил в воду большой стеклянный поплавок в веревочной сетке.

– Мимо! – сказал Колосков, и мы, не задерживаясь, прошли мимо шара.

Погода подурнела. Ветер уперся в рубку. «Смелый» начал кланяться и принимать воду на палубу. Можно было бы сразу, взяв на полкорпуса влево, уйти под защиту берега. Однако мы продолжали погоню. Колосков был упрям и всегда надеялся на удачу.

Нас сильно болтало. Корпус «Смелого» гудел под ударами, вода, не успевая уйти за борт, шипя, носилась по палубе. Временами, когда задиралась корма, было слышно, как ого-

ленный винт рвет воздух.

Наконец волна вышибла стекло в люке, и вода стала заглядывать в машинное отделение. Мы были усталые и мокрые. Кок пытался приготовить обед, но кастрюлю вырвало из гнезда, и примус захлебнулся в борще.

На Косицына было скучно смотреть. Зеленый, как озимь, он запустил все десять пальцев в бухту пенькового троса и закрыл глаза, чтобы не видеть воды.

Я велел Косицыну спуститься в кубрик и лечь на койку. Он крикнул: «Есть!» – и прилип к палубе еще плотнее.

– Оставьте его, – сказал Колосков громко, – я волжан знаю. Их в воде не размочишь.

Это подействовало на Косицына не хуже стакана горячего кофе. Он поднялся и даже попытался пройтись по палубе.

Вскоре стал виден остров Шимушу, снежно-синий с теневой стороны, багровый на солнце. Низкий корпус шхуны затерялся в волнах, и мы повернули обратно.

По дороге к Бурунному мысу командир велел поднять поплавок. Между стеклом и веревочной сеткой была вложена обернутая в клеенку записка. Она немного подмокла, но все же слова, выведенные печатными русскими буквами, были достаточно разборчивы.

Добру ден!

*Хоцице один банку ойл. Наверно, вы истратири
сьгодні много горютчого.*

Колосков бережно разгладил бумажку ладонями и спря-

тал в бушлат.

– А что? – сказал он с хитрой усмешкой. – Быть может, и верно, возьмем... Вместе со шхуной.

На следующий день после этой истории я увидел Сачкова за книгой. Он сидел в ленкаюте, очень веселый, чертил что-то в тетради и от удовольствия даже чмокал губами. Видимо, распутывал очередную задачу с десятью неизвестными.

Меня возмутила беспечность этого несуразного парня. Он выглядел так, как будто бы только что привел на буксире «Саго-Мару». А между тем наши бушлаты еще не успели просохнуть после неудачной погони.

Я сел за стол, напротив Сачкова, и нарочито громко спросил:

– Что же ты не вышел на палубу? Ведь ты хотел видеть японского моториста?

Он сразу помрачнел, но ничего не ответил.

– Ладно, забудем... Я не затем... Есть одна любопытная задача... Правда, она так запутана, что сам черт...

– Какая? – спросил Сачков, оживившись.

– Пиши... Одна хищная шхуна выловила в наших водах сто целых, запятая, пять сотых центнера рыбы. Скорость японца – икс, помноженный на нахальство. Дальше... В два часа ноль минут шхуну заметил катер «Смелый» с мотористом Сачковым. Расстояние между ними две мили. Спрашивается...

– Как раз я думал об этом, – быстро ответил Сачков. – Вот решение.

Он показал мне схему реки, залива и Бурунного мыса, на которую был нанесен чернилами жирный треугольник.

– Это что?

– Гипотенуза короче суммы двух катетов, – загадочно ответил Сачков. – Ты это знаешь?

В то время я не был силен в геометрии.

– Как тебе сказать, – заметил я осторожно. – Бывают разные случаи...

Он с удивлением взглянул на меня и продолжал:

– ...Гипотенуза – это река. Пролив, огибающий отмель, – два катета. Если нам войти в реку ночью и дожждаться отлива... Ты понял?

– Пожалуй... За исключением катетов.

– ...Не видя нас в море, «Саго-Мару» входит в залив и начинает сыпать сеть. В это время мы вылетаем из реки... По гипотенузе... Вот так...

– Тогда она уйдет вчерашним путем.

– ...Я сказал –ждемся отлива... Остается только проход вдоль мыса Бурунного. Она бросается сюда. Но ведь гипотенуза короче суммы двух катетов. Мы ждем шхуну у выхода. Ясно?

Я пробовал возражать, но спор оказался неравным. Против меня были двое – Евклид и Сачков. Под их напором пришлось согласиться, что гипотенуза – кратчайший путь к по-

беде.

Колосков, которому мы немедленно показали чертеж, выслушал нас молча.

– Поживем – увидим, – сказал он неопределенно.

Мы расстались с командиром немного разочарованные, но через час встретили Колоскова с клеенчатой тетрадкой под мышкой. Он возвращался из штаба. Вслед за ним двое краснофлотцев почему-то несли полевой телефон и катушку.

– Увольнительных в город не будет, – предупредил Колосков на ходу.

...Вечером, не успев отдохнуть после похода, мы снова вышли из бухты.

На этот раз мы застали «Саго-Мару» у самого выхода из залива. Она успела выбрать невод и уходила в открытое море, едва не черпая воду бортами. Двое рыбаков, стоя у кормового люка по колени в навале, сортировали рыбу, ловко выхватывая крючками то камбалу, то раздувшуюся треску, то пятнистого минтая.

Носовой люк уже был загружен. Боцман в платке и желтой зюйдвестке окатывал из брандспойта палубу, на которой еще блестела чешуя. Увидев нас, он стал выкрикивать остроты, подкрепляя их непристойными жестами.

Мы подошли так близко, что ощущали запах гниющей рыбы, которым шхуна была пропитана от мачты до киля.

Затем все повторилось. Косицын перенес кранцы. Я бросил конец, на этот раз нарочито неловко. Шхуна оторвалась от нас и пошла в открытое море.

Колосков отлично разыграл досаду. Он хлопал себя по ляжкам, растерянно разводил руками и суетливо перебегал с борта на борт, вызывая взрывы смеха на шхуне. Наконец, безнадежно махнув рукой, командир спустился в кубрик, где сидела команда.

– Дивно сыграно! – объявил он, посмеиваясь, и пощупал карман, где лежала записка синдо.

Обычно после погони мы возвращались на базу или продолжали движение к заданной цели. На этот раз Колосков повел катер прямо к Бурунному мысу.

Против обыкновения, он был доволен, подтрунивал над мотористом и часто поглядывал на часы.

Было так темно, что мы перестали различать очертания берега... Только гребешки волн вспыхивали, рассыпаясь в пыль на ветру. Темнота еще больше обрадовала Колоскова.

– Скоро начнется прилив, – сказал он, когда справа по борту повисли над водой заводские огни. – Хотел бы я знать, когда у них уходит третья смена...

– Через час они будут спать, – ответил Сачков, вылезая из люка. – Это легко подсчитать.

– Опять гипотенуза?

– Нет, арифметика...

– Ну, так вот что, – сказал торжественно Колосков. – Даю

вам такую задачу – извлеките из вашего дизеля все сорок пять сил, умножьте их на два и прибавьте еще семь оборотов. Мы должны войти в реку раньше, чем начнется отлив.

С этими словами он выключил ходовые огни и засмеялся, довольный острою.

Завод спал, когда мы на малых оборотах подошли к Бурунному мысу. Обитые толем, узкие, как гробы, бараки японских рабочих были темны. Во дворе на шестах висели мокрые циновки. Темнели накрытые брезентом штабеля красной рыбы. Кто-то ходил по цеху, рассматривая с фонарем засольные ямы.

Наши рыбацкие поселки живут даже в полночь. Всегда где-нибудь увидишь свет, услышишь песню, встретишь отчаянного курибана с ватагой засольщиц. Японский завод выглядел безлюдным, совсем как поздней осенью, когда последний кунгас с рыбаками отчаливает от Бурунного мыса.

Здесь работали только мужчины: рыбаки с Карафутто и Хоккайдо. Они отдыхали шесть часов в сутки и дорожили каждой минутой короткого сна. Трудно было поверить, что в бараках лежали в три яруса полторы тысячи парней. В темноте стучал только мотор рефрижераторной установки.

Был полный прилив. Река, подпираемая прибоем, шла вровень с низкими берегами. Ветлы купали листья в темной воде. Далеко в море тянулась широкая полоса пены. Мы вошли в нее и, с трудом преодолевая мощное течение, двинулись к устью реки.

Чтобы заглушить шум мотора, были закрыты иллюминаторы и машинные люки.

Разговор на палубе смолк. Мы подходили к барам – отмелям, образованным в устье течением сильной реки. Колосков передал мне штурвал, перешел на нос и стал оттуда дирижировать движением катера.

Тот, кто хоть раз пробирался через бары, знает, какую опасность представляют они даже для опытных моряков. Река, разрезающая прибой, образует здесь несколько длинных, очень крутых валов. В углублениях между ними почти видно дно. Сами же валы достигают высоты нескольких метров.

Стоит зазеваться или неверно рассчитать движение катера, как река поставит судно лагом к потоку и обрушит на голову ротозея несколько тонн холодной воды пополам с песком и камнями.

Иногда лодка втыкается носом в отмель, переворачивается вверх килем и накрывает тех, кто удержался на палубе. Я не вижу существенной разницы для команды, тем более что люди, купавшиеся на барах, могут рассказать о своих приключениях только водолазам.

Эти трезвые мысли всегда приходят мне в голову, когда по обоим бортам катера кувыркаются сучья, а воронки урчат, точно пустые желудки.

Риск для «Смелого» был особенно велик, потому что мы шли ночью, ориентируясь только по речной пене. Стоя на носу, Колосков поднимал то правую, то левую руку, как это

делают на пароходах стивидоры, давая сигналы лебедчикам.

Медленно, точно волжская беляна, «Смелый» подполз к опасному месту, чиркнул днищем по отмели и вдруг застрял между двумя валами.

Косицын опустил футшток и, забывшись, гаркнул:

– Проно-ос...

Но и без футштока было заметно: «Смелый» не сел на бар. Мощная срединная струя с такой силой навалилась на катер, что я с трудом разворачивал руль.

«Смелый» повис между двумя толстыми выпучинами. Нос его уперся в невысокую, очень гладкую волну. Вода побежала по палубе, не переливаясь, впрочем, через ограждения люков, а за кормой пошла на буксире целая гора, с тяжелым, готовым сорваться вниз гребнем.

Корпус «Смелого» стонал и вибрировал. Забрякала цепь в якорном ящике, задрожали поручни, стекла, затряслись двери, шкаф с посудой начал лязгать зубами, как в лихорадке. Казалось, кто-то, сильнее нас, схватил катер за гак и держит на месте.

Нам помогал прилив, но даже с мотором, работающим на полных оборотах, мы не могли взобраться на волну. Нос «Смелого» врезался в нее фута на два, и никакими силами нельзя было заставить его продвинуться дальше. Все остановилось, застыло вокруг нас: берега, буруны, время, чугунная волна за кормой...

Один из люков машинного отделения был открыт. Я ви-

дел, как Сачков в тельняшке и холщовых штанах потчевал машину из долгоносой масленки.

Измученная суточным переходом, она скрежетала, чихала, прыскала горячей водой и дымком... Сидя на корточках, Сачков вытирал тряпкой ее масляные бока и разговаривал с машиной, точно дрессировщик с упрямой собакой.

– А ну, давай еще раз! – бормотал он, плача от дыма. – Чудачка! Милая! Дьявол зеленый! Мурлыка! Дай пол-оборота... Честное слово... Ну, потерпи... Ну, еще...

Он понукал ее терпеливо и ласково, перекрывал краники, регулировал смесь и, тревожась, наклонял ухо к горячей рубашке мотора.

«Апчхи!.. Апчхи!.. Табба-бак!.. Табба-бак!..» – отвечал Сачкову движок.

Между тем Колосков, сидевший на носу, стал показывать признаки нетерпения. Он поглядывал то на берег, то на бары, поправлял ворот бушлата и, наконец, подойдя к трубке, тихо напомнил:

– Товарищ Сачков, о чем мы условились?

– Есть самый полный!

– Не вижу... Примерзли... Выжмите все...

– Есть выжать все! – ответил Сачков и снова зашептал над машиной.

Я слышал, как бойцы разговаривают с лошадьми, и лично знал одного младшего командира, составившего «Азбуку собачьего языка», но в первый раз был свидетелем беседы

трезвого человека с мотором.

Видимо, они не могли сговориться, потому что Сачков выпрямился и наградил приятеля крепким шлепком.

– Не хочешь? – спросил он обиженно. – Ну, держись, черт с тобой.

Он встал и положил руку на рычажок дросселя. Стук перешел в скрежет. Машина завывла, точно влезая на гору.

– Идем... Еще немного... Идем! – зашипел Колосков на носу.

Катер сорвался с места, разрезал, смял волну и, поплеванная горячей водой, вошел в притихшую реку.

Нам пришлось пройти семь километров вверх по течению, прежде чем мы отыскивали удобную стоянку. Река делала здесь крутой поворот, как бы решив вернуться обратно. Только невысокая гряда сопок, поросшая жимолостью, отделяла наш катер от моря. Мы снова слышали глухие взрывы прибоя.

Косицын выскочил на берег и принял конец. Но из кустов поднялась взлохмаченная собака с веревкой на шее. Вслед за ней зашевелились другие.

Оказалось, что мы подошли прямо к собачьему стойбищу. Камчатские рыбаки и охотники на лето всегда привязывают ездовых собак возле реки. Их навещают раз в день, открывают яму с квашеной рыбой и бросают каждому псу по две горбуши.

Ездовой взвыл с перепугу. Его поддержали приятели. Це-

лая сотня тощих, линяющих псов стала жаловаться нам на плохую кормежку, дожди, комаров и другие собачьи невзгоды.

Мы поспешно удалились от шумных соседей и через полчаса отшвартовались в узкой протоке, поросшей по обеим сторонам шеломайником. Здесь нам предстояло выждать появления «Саго-Мару» у Бурунного мыса.

Я собирался высушить бушлат и вздремнуть минут тридцать, но Колосков подошел ко мне и спросил уверенным тоном:

– Вы, конечно, еще не желаете спать, товарищ Олещук?

– Разумеется, нет, – сказал я, моргая глазами. – После похода всегда страдаешь бессонницей...

Колосков засмеялся. Его также сильно пошатывало.

– Так я и думал... – И продолжал, сразу изменив тон разговора: – Возьмите аппарат, телефонную катушку и вместе с Нехочиным отправляйтесь через сопки к Бурунному мысу. Замаскируйтесь и наблюдайте. Сообщения – раз в полчаса... В четыре вас сменят.

...Ночь была холодная и звездная. Заливистая собачья песня преследовала нас всю дорогу, пока мы, пробираясь через заросли жимолости, разматывали катушку.

Через час мы, ежась, лежали в мокрой траве, и в телефонной трубке шептал басок командира.

Новостей было мало. Колосков пожаловался на комаров, я – на холод. Потом мы услышали, как зашипел примус, и

Колосков сообщил, что для нас варится кофе.

В море было свежо. Мы видели, как японские рыбаки оттащили кунгасы подальше от берега. Ни одна шхуна не прошла в эту ночь мимо бухты.

На следующий день шторм усилился. Мы оказались закупоренными в протоке. Особой беды в этом не было: хищники в такую погоду отсиживались на островах. Однако Колосков помрачнел: ему чудилось, что японцы высадились на побережье и обшаривают бобровые лежбища.

Защищенные от моря сопками, мы почти не чувствовали ветра. Люди высушили одежду, отдохнули. Сачков завел движок и включил электрический утюг. Ожил даже Косицын. Он снова стал улыбаться и даже уверял меня, что на Волге, возле Казани, бывают не такие штормы.

Я отпросился у Колоскова и направился вверх по протоке посмотреть, как горбуша мечет икру. Был июль – время нереста лососевых, рыба тучей шла с моря в пресную воду, с которой она рассталась два года назад.

Говорят, что кошки, если отнести их в мешке на другой край города, всегда отыщут свой дом. Однако у горбуши память крепче. Где бы лосось ни жил, хоть возле Африки или на Северном полюсе, а нереститься он обязательно придет в свою реку. В чужом море горбуша икру не оставит.

Не знаю, как объясняют ученые кочевки лосося, но меня всегда поражают эти странные стада, охваченные диким желанием пройти вверх, оставить потомство и умереть. В это

время камчатские рыбаки вычерпывают рыбу, точно уху. В 1934 году лососи, задыхаясь в стае, выбрасывались на берег. На катере трудно было пройти по реке: винт рвал живое мясо.

...Я отошел от стоянки шагов на четыреста и лег в траву у самого берега. Вода дышала холодом. Прозрачная, как воздух, она прикрывала камни дрожащим мерцанием. Временами в глубине вспыхивали и гасли длинные белые искры: шел лосось. Течение реки показалось мне слабым. Я сломал ветку тополя и опустил ее в воду. Она тотчас выгнулась и затрепетала, точно от ветра.

Вскоре мои глаза притерпелись к резкому свету, и я смог отличать рыбу от солнечных бликов на дне. Я видел, как самцы окружили мертвую горбушу. Она лежала на боку, красновато-сизая, белоглазая, широко разинув рот. Брюхо ее было плоско, как у всех рыб, отметавших икру. Смерть застала лосося тут же, на нерестовой площадке; в полуметре от хвоста горбуши беспокойно сновали самки, еще не освободившиеся от икры.

Четыре крупных, сильных самца вели себя возбужденно: били о каменистое дно хвостами, кружились, подталкивали дохлую горбушу носами. Иногда движения рыб становились такими стремительными, что над трупом возникал светящийся пузыристый круг. Мне пришла в голову нелепая мысль: рыбы, прощаясь с подругой, совершают погребальный воинственный танец. Потом я подумал, что самцы про-

сто дерутся над падалью.

В конце концов мне надоело наблюдать эту бесконечную карусель. Так и не решив загадки, я поднялся еще выше по течению реки и остановился у глубокой протоки, преграждавшей мне путь.

В первый раз в жизни я видел, как солнце шевелит лучами. Они бродили по протоке, сталкивались, расходились, покрывали дно дрожащими бликами. Тысячи рыб поднимались к верховьям, с трудом преодолевая сильное течение. Высоко над водой черновато-зеленой стеной стоял шеломайник с резными тяжелыми листьями. Желтели ирисы, цвел шиповник, всюду виднелись могучие красноватые стволы медвежьей дудки и белые зонтики, развернутые на двухметровой высоте. Я пожалел, что на Камчатке не водятся пчелы.

Чтобы лучше видеть эту картину, я снял сапоги, закатал шаровары и отправился на середину протоки. Она оказалась мелкой, чуть выше колен, и такой холодной, что через минуту я перестал ощущать гальку на дне. Рыбы сначала струхнули и бросились врассыпную, но с моря подходили все новые косяки, и вскоре мои посиневшие икры перестали смущать лососей.

Рыбы занялись своим делом. Прежде чем выбросить икру, самки выбирали подходящее место. Головой, плавниками, боками, хвостом они выбивали в каменистом дне небольшую ямку. У многих от безжалостных ударов тело превратилось в сизые лохмотья. Горбатые, обезображенные, с зубатой мор-

дой, изогнувшейся, точно клюв хищной птицы, они торопились расстаться с икрой и умереть. С верховьев реки течение уже сносило отнерестившую, полуживую рыбу.

В то время как самки расчищали хвостами дно, самцы стояли на страже. Метрах в пяти ниже по течению сновали гольцы – пятнистые, очень юркие рыбы, напоминавшие окраской и формой тела форель. Они ждали окончания нереста, чтобы броситься к ямке и сожрать икру... Не тут-то было!

Самцы-горбуши, хотя и обессиленные путешествием, но более массивные, чем гольцы, отважно бросались на хищников. Отогнав наглецов, они возвращались к самкам, подталкивали их головами, покусывали за хвост, точно желая, чтобы подруги поскорее расстались с опасным грузом.

Наконец я увидел, как в полуметре от моих ног самка, изгибаясь, помогая себе сильными рывками хвоста, выбросила на расчищенное дно бледно-розовые крупинки икры. Самец подскочил, облил их молокой, и обе рыбы стали забрасывать икру песком и галькой. Вскоре на дне образовался один из тех небольших бугорков, на которые я натыкался по дороге к середине протоки.

Покружившись над бугорком, супруги убедились в безопасности своего сокровища и медленно направились вверх по протоке.

Теперь движения их были нерешительны, вялы. Все для них было окончено. Обреченные на смерть, они не знали, как

провести свои последние часы; подходили к чужим гнездам, кружились, отгоняли гольцов и, наконец, затерялись в мощном потоке рыб, поднимавшихся с моря...

Набежали облака, подул ветер, воду подернуло рябью. Лязгая зубами, я вылез на берег и стал растирать онемевшие икры. Мне было немного досадно. Бродить всю жизнь в чужих морях, вернуться под старость в родную воду и перевернуться вверх брюхом, не увидев потомства. На это способны только такие бродяги, как лососи!

На обратном пути я остановился возле места, где «танцевали» четыре самца. Дохлой горбуши уже не было видно. Я обшарил глазами дно и с трудом отыскал хвост рыбы, торчавший из гальки. Видимо, инстинкт, помогающий лососю выбрать для икрометания самую чистую воду, заставил самцов прикрыть пададь песком и камнями.

Через полчаса я вернулся на борт. Колосков разговаривал с берегом. Сачков драил шкуркой бензинопровод: как у всякого механика, у него чесались руки, когда он видел кусочек меди или латуни.

Он выслушал рассказ о моих наблюдениях без всякого интереса.

– Закон природы, – сказал он зевнув. – Рыбы мечут икру, дерутся, естественно дохнут... Поймал хоть одну?

– Не в том дело. Надо сущность понять.

– Ну, ясно, – сказал он смеясь, – снять штаны – и в протоку!.. Боюсь, из тебя все-таки Дарвин не выйдет.

Спорить с ним было нельзя. Из всех существ на земле Сачков считал достойными уважения только двух: человека и четырехтактный мотор. Все-таки я решил напомнить ему о ночном монологе.

– Бывают чудачки позанятней... Я слышал, как один моторист беседовал с движком...

Сачков немного смутился.

– Быть может, это помпа шумела? – спросил он осторожно. – Когда эта чертовка визжит, мне самому кажется, будто кто-то...

– Ну нет! Я могу повторить хоть при всех.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

– Знаешь, Алеша, – заметил миролюбиво Сачков, – мне кажется, что нерест – довольно занятная штука... Особенно рыбья пляска или драка с гольцами.

– А ты бы чаще смазывал помпу, – посоветовал я. – Кажется, она действительно иногда заговаривает.

Команда стала готовиться к встрече со шхуной. Сачков сменил смазку, осмотрел винт и выслушал мотор с помощью стетоскопа из шомпола и мембраны.

Я проверил шпангоуты и навел на выхлопной трубе зеленую полоску – знак пограничного катера. Косицын принялся тренироваться в передаче донесений флажками, а Колосков, третий месяц учивший японский язык, сидел в кают-компании, без конца повторяя:

– Конници-ва! – Здравствуйте! Даре-га сенчоосан? – Кто

капитан? Коно фунева нан-то мооси масу ка? – Как называется это судно? Доко-кара китта-но дес-ка? – Откуда пришли?

Потом он начинал командовать, как будто мы уже задержали и взяли хищника на буксир.

– Юкинасай! Пойдем! Торикадзи, омокадзи! Право руля, лево руля!

...Шли вторые сутки. Ветер упал, но шхуна не возвращалась. Каждые полчаса с берега сообщали:

– Туман... Видимость скверная... Рыбаки выгружают четыре кунгаса... Шхуны не обнаружено...

Колосков помрачнел. Он ничего не говорил Сачкову, но видно было – старшина жалеет, что пошел на сомнительную авантюру. Ожидание стало особенно тягостным, потому что со всех сторон слетались комары.

Уссурийские тигры – ягнята по сравнению с этими неистово кровожадными тварями. Воздух был тускло-серый и звенел, точно балалаечная струна. Кожа наша горела даже под бушлатами. Мы дышали комарами, ели их с кашей, глотали с чаем.

Люди мазались черемшой⁶ и мазутом, делали накомарники из тельняшек, заматывали полотенцами шею, курили махорку пополам с хвоей и листьями. А полчища все прибывали. Стоило провести рукой по шее, как ладонь оказывалась в крови.

⁶ Черемша – дикий чеснок.

Колосков держался бодрее других. У него совсем заплыли глаза и шея приняла оттенок давленной вишни, но он твердил довольно настойчиво:

– А что? Разве кусают? Вот ер-рунда!

Ночью под одеялом он скрипел зубами.

На третий день во время обеда пошел сильный теплый дождь, сразу облегчивший наши мучения. Мы сидели в кают-компании, доедая консервы, и слушали, как ливень хлещет по палубе.

Кто-то заметил, что «Саго-Мару» ушла на ремонт в Хакодате. Шутника поддержали. Посыпались дружеские, но увесистые остроты насчет нашего рыбьего положения, гипотенузы без катетов и возраста дизеля. Больше всего, конечно, доставалось самому Сачкову. Честный малый сидел, моргая глазами, не зная – засмеяться или рассвирепеть.

Командир немедленно взял под защиту Сачкова.

– Это еще что за цирк? – заметил он строго. – Мысль правильная... Установка верна... А в чужой борщ перец не сыпьте. Прошу.

Мы приготовились к дальнейшему разносу, но в это время зарокотал телефон. Продолжая ворчать, Колосков снял трубку и вдруг, обернувшись к Сачкову, быстро завертел ручкой в воздухе.

– Есть! – ответил Сачков, отставил тарелку и бросился в машинное отделение.

Мы помчались...

С тех пор прошло больше трех лет, но до сих пор я вижу мохнатую от дождя реку, низкий берег, бегущий вровень с бортом, и напряженное, исхлестанное ливнем лицо Колоскова, а когда закрываю глаза, слышу, как снова стучит, торопится, бьется мотор... быть может, сердце – не знаю.

Сачков взял от дизеля все, что мог, плюс пятьдесят оборотов. Течение горной реки и наше нетерпение еще больше увеличили скорость катера.

«Смелый» мчался, распарывая реку, с такой быстротой, что рябило в глазах. Навстречу нам с моря поднимались косяки рыбы. Мы слышали глухие удары лососей о корпус. Временами, испуганная движением катера, рыба выпрыгивала из воды, изогнувшись серпом.

Берега расступились. Стало заметно светлее. Сквозь ливень мы не увидели моря: оно напоминало о себе сильным и свежим дыханием.

– Ну, держитесь! – вдруг сказал Колосков.

Он поправил фуражку, поставил ноги шире и тверже, и в то же мгновение я почувствовал, что глотаю не воздух, а соленую воду вместе с песком. Что-то тяжелое, мутно-желтое тащило меня с палубы, висело на плечах, подламывало ноги. Я схватился за трап с такой силой, что, оторви меня волна, на поручнях остались бы кулаки.

Катер с размаху било днищем о гальку. Он шел скачками, вибрируя и треща. Мы стояли по пояс в воде, море врывалось в машинные люки.

...И сразу все стихло. Мы снова неслись среди пены. Бары громоздились сзади – светло-желтые, трехметровые складки воды. Нерпы, всегда караулящие лососей в устьях рек, подняли свои кошачьи головы, с удивлением разглядывая катер. «Смелый» прошел от нерп так близко, что я видел их круглые темные глаза.

Было время отлива. С берегов тянуло запахом йода, всюду лежали темно-зеленые волнистые плети морской капусты. Каменистая отмель, отгораживавшая залив от реки, сильно просвечивала сквозь желтую воду.

Мы не замечали ни холода, ни мокрых бушлатов. «Саго-Мару» была здесь, поджарая, нахальная, с двумя красными иероглифами, похожими на крабов, прибитых к корме.

Она только что открыла люки и готовилась к погрузке лососей, когда «Смелый» обогнул отмель и загородил выход в море.

Гипотенуза короче двух катетов. Это понял, наконец, и синдо. «Саго-Мару» закричала фистулой, зовя к себе лодки, заметалась, ища выхода из ловушки, и, наконец, в отчаянии бросилась к отмели.

Мы услышали звук, похожий на треск раздираемой парусины. Рыбаки на палубе шхуны попадали один на другого.

Моторист «Саго-Мару» заглушил дизель. Стало тихо. Японцы стояли на палубе и понуро наблюдали за нами.

Мы спустили тузик и направились к шхуне, чтобы составить акт. В это время рыбаки, точно по команде, стали пры-

гать в воду. Последним, сняв желтый халатик, нырнул синдо. Перепуганные ловцы изо всех сил спешили к нашему тузику.

Что-то странное творилось на шхуне. Палубу «Саго-Мару» выпучило, затрещали доски, посыпались стекла. Казалось, что шхуна, объевшись рыбы, раздувается от обжорства. Из всех иллюминаторов и щелей полз белый густой дым.

Колосков подозрительно понюхал воздух.

– Табань!

Его команду заглушил сильный взрыв. Корму «Саго-Мару» точно отрезало ножом. Рубка отделилась от палубы и упала в воду метрах в тридцати от нас. Косицыну чем-то острым рассекло кисть руки.

Вода вокруг шхуны приняла мутно-белый оттенок и сильно шипела.

Причина взрыва стала ясна, как только мы почувствовали характерный сладковатый запах ацетилена.

Японские рыбаки, устанавливая сети на больших морских площадях, отмечают их фонарями, чтобы пароходы не разрушили это хозяйство. На каждой шхуне можно всегда найти банки с карбидом для фонарей.

Налетев с размаху на камень, «Саго-Мару» пропоролла днище. В двухметровую щель хлынула вода и тотчас затопила отсек, где хранился карбид. Взрыв мог быть еще сильнее, если бы палуба оказалась покрепче.

...Мы выловили и приняли на борт девятнадцать рыбаков. Перепуганные катастрофой, они стояли на баке, дружно вы-

бивая зубами отбой. Боцман, недавно дразнивший Колоскова, кланялся и шипел с таким подхалимским видом, что Ко-сицына чуть не стошнило.

Закончив формальности и сфотографировав шхуну, мы направились в море.

Я вел катер всего метрах в двухстах от завода, но Колосков велел подойти еще ближе.

– В целях воспитания, – заметил он строго.

Дождь кончился. Высоко над отмелью, где дымился остов «Саго-Мару», прорезался бледный солнечный диск.

В последний раз я оглянулся на берег. Возле конторы на мачте еще висел вымокший конус. Рыбаки сидели у пристани на катках и ждали кунгасов.

Я подумал, что с берега мокрые фигуры хищников видны хорошо.

Глава вторая

Бери-бери

Предупреждаю заранее, тот, кто ждет занятных морских приключений, пусть не слушает эту историю. Я не могу обещать ни тумана, ни шторма, если в вахтенном журнале сказано ясно: солнце, штиль, температура +20 в тени.

Да, было так жарко, что смола выступала из палубы. Мы медленно входили в бухту Медвежьё, лавируя меж островков и камней. Люди отдыхали на баке, еле шевеля языками. Тень от мачты – короткая, синяя – неподвижно лежала на палубе. Корабельная медь слепила глаза. Только плеск воды да белые крылья чаек напоминали нам о прохладе.

Мы надеялись пополнить в бухте запасы воды. Снег на сопках здесь держится долго – до конца июля, даже до августа, и десятки горных ручьев, разогнавшись в ущельях, с огромной высоты падают в бухту. Самые слабые никогда не долетают до берега, ветер подхватывает их на лету и превращает в белую пыль, но два или три водопада соединяют сопки и море высокими дугами. На фотографиях они выходят сосульками, но, право, я не видел более сильной картины, чем эти светлые, грохочущие столбы, врезанные в зеленую воду до самого дна.

Был уже слышен шум ручьев, когда вахтенный крикнул:
– Японец! Слева по носу!

Возле самого берега стояла двухмачтовая черная шхуна. Колосков, мельком глянув на шхуну, твердо сказал: – Полкорпуса влево... так держать!

В таких случаях счет идет на секунды. Не успели хищники выбрать якорь, как двое бойцов разом прыгнули на палубу шхуны.

Она была пуста. «Гензан-Мару» (Колосков разобрал надпись за десять кабельтовых) даже не пыталась бежать, точно к ней подошел не пограничный катер, а собственный тузик.

А между тем в воздухе пахло крупным штрафом: на бамбуковых шестах вдоль борта висели еще влажные сети.

Сачков заглушил мотор и выглянул из люка.

– Стоило гнать! – сказал он с досадой. – Вот мухобой! Бабушкин гроб!

Судя по мачтам, слишком массивным для моторного судна, во времена Беринга это был парусник с хорошей оснасткой. Плавные, крутые обводы говорили о мореходности корабля, четыре анкерка с пресной водой – о дальности перехода. Под бугшпритом шхуны, вынесенном метра на три вперед, была прикреплена грубо вырезанная из какого-то темного дерева фигура девушки с распущенными волосами. Наклонив голову, красавица уставила на нас обведенные суриком слепые глаза. Время, соль и толстые наслоения масляной краски безобразно исказили ее лицо.

Мы молча разглядывали шхуну.

Видимо, хозяева рассчитывали на страховую премию

больше, чем на улов рыбы: сквозь дыры в бортах могли пролезть самые жирные крысы.

– Эй, аната!⁷ – крикнул Колосков.

Циновка на кормовом люке приподнялась. Тощий японец, с головой, повязанной синим платком, равнодушно взглянул на нас.

– Бьонин дес⁸, – сказал он сипло.

– Эй вы, кто синдо?

– Бьонин дес, – повторил японец монотонно, и крышка снова захлопнулась.

Колосков спустился в каюту, чтобы надеть свежий китель. Наш командир был особенно щепетилен, когда дело доходило до официальных визитов.

– Товарищ Широких, – сказал он, – найдите синдо, выстройте японскую команду по правому борту.

– Есть выстроить! – ответил Широких.

Это был серьезный, очень рассудительный сибиряк, с лицом, чеканенным оспой, белыми бровями и славной, чуть сонной улыбкой, которой он встречал остроуты Сачкова и кока. Кроме обстоятельной, чисто степной медлительности, он отличался бычьей силой, которой, впрочем, никогда не хвастался.

Помню случай, когда, погрузившись в воду по пояс, Широких переносил со шлюпки на берег двенадцатипудовый

⁷ Эй, вы!

⁸ Большой.

якорь. И это в свежую погоду, на осклизлых, крупных камнях!

На «Смелом» он служил рулевым.

Громыхая сапогами, Широких прошел по палубе шхуны, поднял циновку и присел на корточки перед люком.

– Ваша который синдо? – спросил он деловито. – Ваша бери люди, ходи быстро на палубу.

В ответ из кормового люка вырвался стон.

Мы видели, как Широких перекинул ноги и с трудом протиснулся в узкое отверстие. В трюме загалдели, затем сразу стихло.

– Уговорил! – сказал Сачков, посмеиваясь.

Но Широких не показывался. Шхуна по-прежнему казалась мертвой. На палубе блестела сухая тресковая чешуя. Только несколько ярких фундоси, подвязанных бечевками к вантам, напоминали о жизни на корабле.

Наконец из трюма вылез Широких. Он был краснее обычного и осторожно, точно ядовитую гадину, держал вытянутой рукой какую-то бумажку.

– Товарищ лейтенант, – загудел он еще с палубы шхуны. – Разрешите доложить. Произведен осмотр кормового трюма. Обнаружено одиннадцать хищников, в том числе синдо. Трое показывают заразные признаки. Остальные чирьев на спине не имеют... Вступают в пререкания. Лежат нагишом.

– Какие чирьи... Вы что?

– Надо полагать – чумные... Стонут ужасно.

– Что вы болтаете? – возмутился Колосков. (Он был в новой форме с двумя золотыми нашивками и фуражке со свежим чехлом.) – Идите сюда... Нет, стойте. Покажите письмо.

Широких передал клочок, на котором печатными русскими буквами было выведено:

Помогите. Заразно. Сибировска чумка. Весьма просив росскэ доктор.

Если бы японцы специально задались целью смутить Колоскова, – лучшего средства они б не придумали. Бравый балтиец, человек зрелого, спокойного мужества, он по-детски боялся всего, что пахнет больницей. В двадцать лет, на фронте Колосков впервые узнал от ротного фельдшера о бактериях – возбудителях тифа. Здоровяк и остряк, он всенародно поднял лектора на смех (в те годы Колосков был твердо уверен, что все болезни заводятся от сырости). Но когда упрямец увидел в микроскоп каплю воды из собственной фляжки, он заметно опешил. По собственному признанию Колоскова, его точно «снарядом шарахнуло». Странные полчища палочек, шариков, точек поразили воображение моряка. С прямолинейностью военного человека Колосков решил действовать, прежде чем «гады», кишевшие всюду, доведут моряка до соснового бушлата.

Он привил оспу на обе руки, завел бутылку йода и принялся старательно мазать свои и чужие царапины. Гадюка

над рюмкой⁹ стала в его глазах знаком высшей человеческой мудрости.

С тех пор прошло двадцать лет, но если вы увидите когда-нибудь моряка, который пьет кипяченую воду или снимает с яблока кожуру, – это будет наверняка Колосков.

Понятно, что при слове «чума» командир немного опешил. Если бы хищники открыли огонь или попытались бы уйти у нас из-под носа, Колосков мгновенно нашел бы ответ. Но тут, глядя на пустынную палубу шхуны, командир невольно задумался. Опыт и природная осторожность не позволяли ему верить записке.

– Доложите... какие признаки вы заметили?

– Очень дух тяжелый, товарищ начальник.

– Это рыба... Еще что?

– На ногах черные бульбочки... Кроме того, в глазах воспаление.

Но Колосков уже поборол чувство робости.

– От тухлой трески чумы не бывает... Растравили бульбочки... Симулянты... Впрочем, ступайте на бак. Возьмите зеленое мыло, карболку. Понятно? Чтобы ни одного микроба!..

...В тот год я совмещал должность рулевого с обязанностями корабельного санитары... Открыв аптечку, я нашел сулему и по приказанию командира смочил два платка. Он приказал также надеть желтые комбинезоны с капюшонами,

⁹ Змея и чаша – значок медицинских работников.

которые применяются во время химических учений.

Прикрывая рот самодельными масками, мы поднялись на борт «Гензан-Мару» и внимательно осмотрели всю шхуну.

Это была посудина тонн на триста; с высоким фальшбортом, переходящим на корме в нелепые перильца с балясинами, какие попадаются только на провинциальных балконах.

Японские шхуны никогда не отличаются свежестью запахов, но эта превосходила все, что мы встречали до сих пор. Палуба, решетки, деревянные стоки пропитались жиром и слизью. Сладкое зловоние отравляло воздух на полмили вокруг.

Все здесь напоминало о трудной, жалкой старости корабля. Голубая масляная краска, покрывавшая когда-то надстройки, свернулась в сухие струпья. Медный колокол принял цвет тины. Всюду виднелось серое, омертвелое дерево, рыжее железо, грязная парусина. Дубовые решетки, прикрывавшие палубу, и те крошились под каблуками.

Зато лебедка и блоки были только что выкрашены суриком, а новые тросы ровнехонько уложены в бухты. Сказывалось старое правило японских хозяйчиков: не скупиться на снасти.

Два носовых трюма, прикрытых циновками, были доверху набиты камбалой и треской. Влажный блеск чешуи говорил о том, что улов принят недавно.

– Ясно, симуляция, – зло сказал Колосков.

Мы заглянули в кормовой кубрик и позвали синдо. Нам

ответили стоном. Кто-то присел на корточки и завыл, схватившись обеими руками за голову. Вой подхватили не меньше десятка глоток. Трудно было понять: то ли японцы обрадовались появлению живых людей, то ли жаловались на жару и зловоние в трюме.

Тощий японец в вельветовой куртке с головой, замотанной полотенцем, кричал сильнее других. Упираясь лопатками и пятками в нары, он выгибался дугой и верещал так, что у нас звенело в ушах.

В полутьме мы насчитали девять японцев. Полуголые, мокрые от пота парни лежали вплотную. Несколько минут мы видели разинутые рты и слышали завывание, способное смутить любого каюра¹⁰. Затем Колосков кашлянул и твердо сказал:

– Эй, аната! Однако довольноно.

Хор зачумленных грянул еще исступленнее. Казалось, ветхая посуда заколебалась от крика. Многие даже забарабанили голыми пятками.

Это взорвало Колоскова, не терпевшего никаких пререканий.

Он крикнул в трюм, точно в бочку:

– Эй, вы... Смир-но!

И все разом стихли. Стало слышно, как в трюме плещет вода.

– Где синдо?

¹⁰ Каюр – в полярных областях погонщик собак, запряженных в нарты.

Крикун в вельветовой куртке вылез из кубрика, и, путая японскую, английскую и русскую речь, пояснил, что самые опасные больные изолированы от остальных. Продолжая скулить, он повел нас к носовому кубрику.

В узком, суженном книзу отсеке лежали на циновке еще трое японцев.

– Варуй дес... Тайхен варуй дес¹¹, – сказал синдо довольно спокойно.

С этими словами он взял бамбуковый шест и бесцеремонно откинул тряпье, прикрывавшее больных.

Мы увидели мертвенную, покрытую чешуйками грязи кожу, черные язвы, чудовищно раздутые икры, оплетенные набухшими жилами. Ребра несчастных выступали резко, точно обнаженные шпангоуты шхуны. Видимо, больные давно мочились под себя, так как резкий запах аммиака резал глаза.

Люди заживо гнили в этом душном логовище с грязными иллюминаторами, затянутыми зеленой бумагой.

Возле больных, на циновках, усыпанных рыбьей чешуей и зернами сорного риса, стояли чашки с кусками соленой трески.

– Бедный рыбачка! Живи – нет. Помирай – есть, – сказал провожатый.

Точно по команде, трое японцев протянули к нам ужасные руки – почерневшие, скрюченные, изуродованные странной болезнью. Не знаю, как выглядят чумные, но более грустного

¹¹ Плохо, очень плохо.

зрелища я не встречал никогда.

Синдо знал полсотни русских и столько же английских фраз. Путая три языка, он пытался рассказать нам о бедственном положении шхуны.

– ...Это было в субоцу... Сильный туманка... Ходи туда, ходи сюда... Скоси мо мимасен¹². Наверное, компас есть ложный... Немного брудила. Вдруг падай Арита... Одна минуца – рыбачка чернеет... Like coal¹³. Другая минуца – падай Миура... третья минуца – Тояма. Камматанэ! Вдруг берег! Чито? Разве это росскэ земля? Вот новость!

Колосков спокойно выслушал бредовое объяснение и, глядя через плечо синдо на больных, сухо сказал:

– Хорошо... Где поймана рыба?

– Са-а... Он всегда был здоровячка, – ответил грустно синдо. – Что мы будем рассказывать его бедный отце и маць?

– Я спрашиваю: когда и где поймана рыба?

– Да, да... Арита горел, как огонь. Наверно, есть чумка.

– Не понимаете? Рыба откуда?

– Ей-бога, не понимаю, – сказал пройдоха, кланяясь в пояс. – Мы так боялся остаться один.

Он махнул рукой, и зачумленные дикими воплями подтвердили безвыходность положения.

Мы вышли на палубу, провожаемые стонами больных и бормотанием синдо. Колосков сердито сорвал сулемовую

¹² Ничего не видно.

¹³ Как уголь.

маску.

– Вы когда-нибудь видели чуму?

– Только на картинках, – признался я.

– Любопытно.

– Да... Рыба свежая.

Я хотел на всякий случай отобрать у японцев лампу для нагрева запального шара мотора, но Колосков не разрешил мне спуститься в машинное отделение.

– Понимать надо, – сказал он строго. – Чума не репейник – с рукава не стряхнешь.

Вести шхуну в порт было нельзя. Мы запросили отряд и через десять минут получили ответ: «Врач, санитары высланы. Снимите, изолируйте наш десант. Отойдите шхуны, наблюдение продолжайте...»

И мы стали ждать.

Нам предстояло провести с глазу на глаз с зачумленной шхуну шесть часов.

Был полдень, солнечный, душный, несмотря на окружающие бухту снежные сопки. Вокруг шхуны островками плавала пена и раздувшиеся от жары кишки кашалотов – верный признак, что китобойная флотилия находится недалеко. Издали кишки походили на связки ржавых, очень толстых корабельных цепей. На островках-желудках сидели нарядные и крикливые чайки.

Палуба «Гензан-Мару» кишела мухами. Вскоре они стали попадаться в кубриках «Смелого». Колосков велел отойти от

шхуны на два кабельтовых.

Обедали плохо. Борщ, хлеб, жаркое, даже горчица пахли карболкой. По приказанию командира наш кок, Костя Скворцов, обходил корабельные помещения с пульверизатором, ежеминутно наполняя бутылку свежим раствором.

– Все по порядку, – объяснял он, сияя голубыми глазами, – сначала карболку, потом хлор. Белье в печку... Прививка... Потом карантин на три недели...

Костя был немного паникер, но на этот раз многие разделяли его опасения. Шхуна стояла рядом, безлюдная, тихая, и в тишине этой было что-то зловещее.

Хуже всех чувствовал себя Широких. Вымытый зеленым мылом и раствором карболки, он сидел на баке притихший, голый по пояс, а мы наперебой старались ободрить товарища.

Все мы искренне жалели Широких. Он был отличный рулевой, а на футбольной площадке левый бек. Что теперь ждало парня? Терпеливый, толстогубый, очень серьезный, он бил слепней и, вздыхая, смотрел на товарищей.

Мы утешали Широких, как могли.

– Мой дядя тоже болел в Ростове холерой, – сказал рассудительно кок. – Он съел две дыни и глечик сметаны... Ну, так это штука страшнее чумы. Три дня его выворачивало наизнанку. Он стал тоньше куриной кишки и так ослаб, что едва мог показать родным дулю, когда его вздумали причастить... Потом приехал товарищ Грицай... Не слышали? Это

наш участковый фельдшер. Промыл дяде желудок и вприснул собачью сыворотку.

– Телячью...

– Это все равно. Наутро он помер.

– Иди-ка ты, – сказал Широких, пожившись.

– Так то холера... Думаешь, уже заболел? Посмотри на себя в зеркало...

Широких дали термометр. Он неловко сунул его подмышку и совсем нахохлился.

– Знобит?

– Есть немного.

Митя Корзинкин – наш радист – принес и молча (он все делал молча) сунул Широких пачку сигарет «Тройка», которые хранил до увольнения на берег.

– В крайнем случае можно перелить кровь, – сказал боцман. – Сложимся по пол-литра.

– Главное, Костя, не поддавайся.

– Ты не думай о ней. Думай о девочках.

– Это верно, – сказал Широких покорно. – Надо думать...

Он сморщил лоб и стал смотреть в воду, где прыгали зайчики.

Обедал Широких в одиночестве. Он съел миску каши, двойную порцию бефстроганов и пять ломтей хлеба с маслом. Кок, с которым Широких постоянно враждовал из-за добавок, принес литровую кружку какао.

– Посмотрим, какой ты больной, – заметил он строго.

Широких подумал, вздохнул и выпил какао. Это немного всех успокоило.

– Видали чумного? – спросил кок ехидно.

В конце концов, видя, что общее сочувствие нагоняет на парня тоску, Колосков запретил всякие разговоры на баке.

Все занялись своим делом. Радист принялся отстукивать сводки, Сачков чинить донку, Косицын драить решетки на люках.

Один Широких с тоской поглядывал по сторонам. У парня чесались руки.

– Дайте мне хоть марочки делать...

Боцман дал ему кончик дюймового троса, и Широких сразу повеселел, заулыбался, даже замурлыкал что-то под нос.

Колосков ходил по палубе, надвинув козырек фуражки на облупленный нос, и изредка метал подозрительные взгляды на шхуну.

Наконец, он подошел к Широких и спросил тоном доктора:

– Колики есть?

– Нет... то есть немного, товарищ начальник.

– Судороги были?..

– Нет еще...

– Ну и не будут, – объявил неожиданно Колосков и сразу гаркнул: – Баковые, на бак!.. С якоря сниматься!

Мы развернулись и, сделав круг, подошли к шхуне поближе. Синдо тотчас высунул из люка обмотанную полотенцем

голову.

– Эй, аната! – крикнул Колосков громко. – Ваша стой здесь... Наша ходи за доктором.

Услышав, что мы покидаем шхуну, больные подняли было оглушительный вой. Видимо, все они боялись остаться одни в далекой, безлюдной бухте, но синдо сразу успокоил испуганных рыбаков.

– Хорсё-о... Хорсё-о, – пропел он печально, – росскэ доктору... Хорсё-о.

Он повесил голову, согнул ноги в коленях и застыл в робкой позе – живая статуя отчаяния.

Бухта, в глубине которой стояла «Гензан-Мару», изгибалась самоварной трубой. Когда мы миновали одно колесо и поравнялись с невысокой скалой-островом, я невольно взглянул на командира.

– Здесь?

– Ну, конечно, – сказал Колосков.

Скала прикрывала нас с мачтами. Лучшее место для засадки трудно было найти. На малых оборотах мы проползли между каменными зубами, торчавшими из воды, и стали в тени островка.

– Значит, симуляция? – спросил боцман. – Так я и думал...

Широких заулыбался и натянул тельняшку.

– Могу быть свободным?

– После осмотра врача, – ответил неумолимый Колосков.

Мы заглушили мотор и стали прислушиваться. Спугнутые катером чайки носились над мачтами, чертыхаясь не хуже базарных торговок. Сквозь птичий гвалт и плеск волны, оббегающей остров, долетал временами прерывистый стук мотора. Видимо, японцы пытались запустить остывший болиндер.

Услышав знакомые звуки, Колосков вытянул шею, заулыбался и зашевелил усами. Он стал похож на заядлого удильщика, у которого вдруг затанцевал поплавок.

На островок набежала волна. Стук мотора стал ближе и резче. Вдруг мотор поперхнулся... помолчал полминуты... застучал снова, на этот раз неровно и глухо.

Мы завели мотор. Люди стали по местам. «Смелый» дрожал, готовый кинуться за наглецами в погоню.

И вдруг боцман разочарованно крикнул с кормы:

– Фу ты черт! Смотрите...

В десяти метрах от нас, в расщелине между камнями, лежал перевернутый бат¹⁴, видимо, унесенный из поселка рекой. Каждый раз, когда набегала волна, лодка билась о стены, издавая отрывистые и ритмичные звуки.

Мы были так раздосадованы неожиданной шуткой моря, что не поверили ушам, когда за поворотом послышалось знакомое всем морякам «таб-бак, таб-бак».

Но это была «Гензан-Мару». Она вылетела из-за мыска метра в пятидесяти от нас, поплеывая горячей водой, и по-

¹⁴ Бат – лодка, выдолбленная из ствола дерева.

мчалась к открытому морю. Из трубы шхуны кольцами летел дым, винт свирепо рвал воду, а вся команда толпилась на палубе. Чумный синдо рысцой бежал по палубе, подгоняя чумных матросов. Чумный боцман, лежа на животе, доставал крючком якорь, цеплявшийся за волну.

Заметив нас, «Гензан-Мару» вильнула в сторону, но Колосков спокойно приказал лечь на параллельный курс. Мотор шхуны был слишком слаб для тяжелого корпуса, а наш движок работал чудесно.

Через десять минут японцы заглушили болиндер, и Колосков, захватив меня и Косицына, поднялся на палубу шхуны. Он был взбешен таким нахальством и, стараясь сдержаться себя, говорил очень тихо. Синдо шипел и пятился задом, кланяясь, как заведенный.

– Как ваши... очумелые? – спросил Колосков.

– Благодарю... Наверное, очень плохо...

– Что же не дождались доктора?

– Са-а... Помирай здесь, помирай дома... Бедный рыбацка думай все равно.

Он начал было снова скулить, но Колосков разом успокоил синдо.

– Ну-ну, – сказал он сухо, – я думаю, до тюрьмы вам ближе, чем до могилы.

Вскоре подошел катер с доктором, и все сомнения наши рассеялись. Чумных на шхуне было столько же, сколько на нашем катере архиереев.

Сам синдо признался в мошенничестве. Шхуна заметила катер слишком поздно, а скорость старой посуды, до отказа набитой треской, была смехотворна. Тогда на шхуне молниеносно возникла чума. Вопли и записка были только трюком, рассчитанным на простаков. По словам синдо, они дважды применяли этот прием у берегов Канады, и оба раза катер рыбного надзора поспешно уходил от «Гензан-Мару».

Трое рыбаков во время поверки не вышли на палубу. Но это не были симулянты. Бери-бери – болезнь бедняков, частый гость рыбацких поселков и шхун – свалила ловцов на циновки.

Эта болезнь – сестра голода. Сорный рис и соленая рыба, которыми постоянно питаются рыбаки, доводят их до полного изнурения.

Ловцы «Гензан-Мару» заболели еще весной. Сначала они пытались скрыть признаки бери-бери, выполняя нелегкие обязанности наемных ловцов наравне с прочими рыбаками. Но люди на шхунах спят на общих циновках, почти нагишом...

По правилам, больных следовало немедленно высадить на берег, однако синдо рассудил, что до конца сезона рыбаки смогут хотя бы отработать аванс.

Им дали «легкую» работу: наживку крючков и резку пойманной рыбы (разумеется, за половинную плату).

Они честно отработали хозяину полсотни иен, и сухую треску, и куртки из синей дабы, а теперь терпеливо ждали

конца. Судя по запавшим глазам и омертвелым конечностям, он был недалек. У одного из рыбаков уже начиналась гангрена: обе ноги до колен были пепельно-черного цвета.

Пройдоха синдо отлично использовал зловещие признаки бери-бери. Нарывы и язвы, покрывавшие тела рыбаков, он выдавал за приметы чумы.

Колосков приказал дать больным макароны, кофе и масло. Они не притронулись к пище. А когда санитар снова навестил рыбаков, тарелки каким-то чудом оказались в подшкиперской.

– Эти люди не привыкли к высокой пище, – сказал спокойно синдо.

Вечером мы снялись с якоря и повели «Гензан-Мару» в отряд. Шхуна шла вслед за «Смелым» своим ходом. Носовой люк был открыт – на потолке горела «летучая мышь». Стоя у неуклюжего штурвала, я видел безнадежно покорные лица больных.

Они ждали. Им было все равно...

Набежал ветер. «Гензан-Мару» стала раскачиваться и клевать носом.

Черная мачта шхуны выписывала в небе восьмерки, задевая концом за звезды; то одна, то другая звезда срывалась с места и, оставив трепетный след, падала в темное, смутно шипящее море...

На рассвете приблизился «Смелый». Я сдал вахту Широких, перебрался на катер и крепко заснул.

Глава третья

Комендант птичьего острова

I

Это была на редкость упрямая шхуна. Прежде чем заглушить мотор и вывесить кранцы, «Кобе-Мару» предложила игру в прятки, встав в тени за скалой. Когда этот фокус сорвался, она стала метаться по бухте, точно треска на крючке... Затеяла глупую гонку вокруг двух островков, пыталась навести «Смелый» на камни, ударить форштевнем, подставить корму – словом, повторила все мелкие подлости, без которых эти господа никогда не обходятся.

Оберегая корпус «Смелого» от рискованных встреч, Колосков долго водил катер параллельными курсами.

Мы были мокры, злы и от всего сердца желали шхуне напороться на камни. Боцман Гуторов, уже полчаса стоявший на баке с отпорным крюком, высказал это резонное желание вслух и немедля получил замечание от командира.

– А допрашивать эпроновцы будут? – ворчливо спросил Колосков. – Эк, жмет! Чует кошка...

Увлеченный погоней, он не пытался даже вытирать усеянное брызгами, свежее от холода и ветра лицо. Он стоял на хо-

довом мостике, шурясь, посапывая, не отрывая глаз от низкой кормы, на которой, точно крабы, выделялись два больших иероглифа.

Наконец ему удалось подойти к японцу вплотную, и двое бойцов разом вскочили на палубу шхуны.

– Конници-ва! Добру день! – сказал присмиривший синдо.

Он стоял на баке возле лебедки и кланялся, точно заведенный.

Сети были пусты. В трюмах блестела чешуя давних уловов. Зато вся команда была, как по форме, одета в свежую, еще не обмятую работой спецовку. Высокие резиновые сапоги (без единой заплатки), подтянутые шнурками к поясам, придавали ловцам бравый, даже воинственный вид.

В пристройке рядом со шкиперской мы отыскали радиста – маленького злого упряма в полосатой фуфайке. Он заперся на ключ и сыпал морзянкой с такой быстротой, точно «Кобе-Мару» погружалась на дно.

Уговаривать радиста взялся Широких. Он быстро снял дверь с петель и вынес упряма на палубу, рассудительно приговаривая:

– Отойди... Постучал – и довольно. Я ж вам объясняю по-русски.

После этого мы выстроили японцев вдоль борта и подивились славной выправке «рыбаков». Судя по развороту плеч и строевой точности жестов, они были знакомы с «арисаки»

не хуже, чем с кавасаки.

Мы обыскали кубрик, трюм, машину, но, кроме соленой рыбы, риса и бочки с квашеной редькой, ничего не нашли. Тогда Колосков приказал поднять линолеум в каюте синдо, а сам взял циркуль, чтобы промерить расстояние шхуны от берега.

Вскрывая вместе с Широких линолеум, я видел, как юлит пройдоха синдо.

Едва Колосков доказал, что шхуна задержана в наших водах, шкипер уткнул нос в словарь и вовсе перестал понимать командира.

– Ровно миля, – сказал Колосков. – Что вы тут делали, господин рыболов?

– Благодарю, – ответил синдо. – Мое здоровье есть хорошо.

– Не интересуюсь.

Синдо наугад ткнул пальцем в страницу.

– Хоцице немного русска воцка? Вы, наверно, зазябли?

Колосков отвернулся и стал терпеливо разглядывать картинки над койкой синдо. Трюк со словарем был стар, как сама шхуна.

Между тем синдо продолжал бормотать:

– Вчера шел дождик... Морская погода, как сердце красавицы, есть холодна и обманчива... Пятница – опасный день моряков...

– Кончили? – спросил Колосков.

– Не понимаю... Чито?

Тут командир взял из рук синдо словарик и, захлопнув, сказал прямо в лицо:

– Ну, довольно шуток, я намерен поговорить серьезно.

Нужно было видеть, как повело шкипера при этих словах. Он выпрямился, задрал нос и заскрипел, точно сухое дерево на ветру.

– Хорсо... Я отказываюсь говорить младшим лейтенантом.

– Понятно, – сказал Колосков, пряча карту. – Понятно, господин старший рыболов.

В это время командира позвали на палубу, и тут открылась занятная картина.

Возле шлюпки лежал аварийный дубовый анкерок ведер на пять пресной воды. Боцман шхуны вздумал походя накинуть на бочку брезент, а эту запоздалую заботу подметил Широких. Любопытства ради он выбил втулку из бочки и сильно удивился, почему вода плещется, а не льется на палубу.

Багровый от волнения, он стоял на коленях возле анкерка и, запустив руку по локоть, что-то нащупывал.

Увидев Колоскова, он застеснялся и сказал:

– Что-то плещет, товарищ лейтенант, а шо – неизвестно.

Он пошарил заботливо, как рыбак в вентере, и прибавил:

– Будто щука.

И вытащил новенький маузер.

Потом он воскликнул:

– Лещ, товарищ лейтенант! Окунь, карась!

И на палубу рядом с маузером легли фотоаппарат, индуктор, связка бикфордова шнура, коробочка капсулей и еще кое-что из «рыбацкого» ширпотреба.

Последней была вынута калька со схемами, нанесенными бегло, но искусной и твердой рукой.

Идти в отряд своим ходом японцы наотрез отказались. К тому же они успели забить в нескольких местах топливную магистраль кусками пробки и войлока. Тогда мы загнали команду в кубрик и, закрепив буксирный конец, с трудом вытащили шхуну из бухты.

...Заметно свежело. Волны стали острее и выше. Всюду осыпались и дымились на ветру белые гребни. Временами волна, разбитая «Смелым», пролетала над ходовым мостиком, осыпая нас шумными, злыми осколками.

Багровое небо обещало тяжелый поход. Дул лобовой шквалистый ветер, и трос, слишком короткий для буксировки, вибрировал за кормой.

На полдороге к отряду «Смелый» стал зарываться в волну. Вода кипела и металась по палубе, не успевая уйти за борт.

Колосков все чаще и чаще поглядывал назад, на смутно белевшую шхуну.

Потеряв самостоятельность, на жесткой буксирной узде, шхуна плелась за нами, раскачиваясь, спотыкаясь о гребни. Вероятно, «Кобе-Мару» было еще труднее, чем нам, потому

что трос не давал ей свободно взбегать на волну.

Вскоре стал заметен только бурун, волочившийся у нас на буксире. Берег, черневший по правому борту, исчез. Низкий рев моря, шипение бескрайней воды глушили перестуки мотора. Шквал навалился на катер с такой силой, что разорвал на мостике парусиновый козырек и сорвал со шлюпки чехол.

«Смелый» шел шажком в темноте, вздрагивая и кряхтя от крепких ударов. Ни звезды, ни огня! Командир приказал включить прожектор, а сам отправился на корму, чтобы осмотреть буксировочный трос.

Я стоял на руле и слышал, как, вернувшись на мостик, Колосков отдувался и убеждал себя самого:

– Черт! Не размокнет... Ну, ясно...

Мы думали об одном. Позади нас, на пустынной палубе шхуны, были двое: боцман Гуторов и ученик моториста Косицын. Гуторов был надежен. Подвижной, грубоватый, смекалистый, он был родом из Керби, славного поселка рыбаков и охотников, и держался на палубе прочнее, чем кнехт. Но Косицын... Сколько раз мы вытаскивали его из машины на палубу – зеленого, мутноглазого, вялого. На земле он был весел, по-крестьянски деловит и упрям, а в море размокал, как галета в горячем чае. Что сделаешь, если степная кровь не терпит ни качки, ни сырости!

Чтобы успокоить командира, я сказал:

– Устоит... На воздухе все-таки легче.

– Да? Я тоже так думаю, – ответил Колосков и тут же воз-

мутился: – Разговорчики! Да вы что? На компасе или в пивной?

Был виден уже маяк Угловой, когда краснофлотец, следивший за тросом, резко вскрикнул...

Я сразу почувствовал, что катер пошел подозрительно ходко, обернулся и увидел, как позади нас быстро гаснет бурн. Из темноты долетал смятый шквалом голос Косицына:

– ...варищ командир... аварищ... анди-ир!

Что он кричал еще, разобрать было нельзя, да мы и не вслушивались. Круто развернувшись, «Смелый» пошел на выручку шхуны.

Прожектор быстро нашел «Кобе-Мару» (среди черной воды она блестела, как моль), обшарил шхуну с обоих бортов, лег на волну... И тут Колосков, сигнальщик и я разом закричали:

– Полундра!

В штормовой ошалелой воде барахтались двое. Они дрались. Оглушенные ударами гребней, они подминали, душили, топили друг друга, разевая рты, чтобы забрать воздух, и задыхались, и слепли в прожекторном свете, не выпуская, однако, горла противника. То и дело пловцы взлетали высоко над нами, над всем глухо стонущим морем и рушились вниз вместе с гребнями волн.

Их разбило. Они снова кинулись навстречу друг другу. А когда мы приблизились к месту схватки и бросили лить, за конец схватился один только пловец...

То был Гуторов.

Окровавленный, ослабевший, он лег ничком, бормоча:

– Там на шхуне... Косицын... один.

– Самый полный! – скомандовал Колосков.

– Есть... амы... полны! – ответили из машины.

«Смелый» вздрогнул и не двинулся с места.

– В машине!

Сачков ответил что-то невнятное. Вода за кормой побелела, корпус затрясся, закрипел от рывков, и мы поползли со скоростью плавучего крана.

Колосков приказал осмотреть винт. Нас держал трос. Огромный, разбухший ком ворочался за кормой «Смелого», отнимая у нас ход и маневренность.

Вероятно, с палубы шхуны смыло целую бухту манильского троса, и катер, налетев с размаху на снасть, перепутал и намотал на винт метров сто крепчайшего волокна.

Застопорив машину, мы полезли в воду рубить и распутывать петли, а боцман тем временем, клацая зубами, рапортовал командиру, что случилось на шхуне.

...Косицын был на руле. Гуторов осматривал трос. В это время вода разбила стекло штурманской рубки. Услышав звон, японцы стали ломиться на палубу. Гуторов подбежал к кубрику и укрепил дверцу веслом (задвижка была слабовата). И тут из какой-то щели, возможно, из канатного ящика, вылез «рыбак». Он успел рубануть буксирный конец ножом и кинулся боцману под ноги, а шхуну как раз положило на

борт...

Что было с Косицыным, Гуторов не знал. Он выпил стакан спирта и, обвязавшись канатом, снова влез в воду.

Скучное дело! Мы очистили винт, но продолжали болтаться на месте: вал был согнут, муфта разболтана, мотор дышал, как затравленный, и «Смелый» не мог даже выгрести против ветра.

Мы превратились в буюк, а шхуну уносило все дальше и дальше. Прожектор резал только мачты по клотик. Они долго кланялись морю на все четыре стороны, – маленькие, светлые травинки среди гневной воды – и, наконец, пропали из глаз.

Как мы провели ночь – вспоминать скучно. Скажу только, что, несмотря на десятибалльный ветер, на палубе было довольно жарко, а в трюме кроме моторной помпы непрерывно работали четыре ручные донки.

Море разворотило фальшборт от мостика до шпигля, смыло тузик и в довершение всего выдавило стекло у прожектора, сильно порезав осколками сигнальщика Сажина.

Когда рассвело, мы увидели изуродованный катер и злобную тускло-серую воду.

Захлебываясь сиреной, к нам подходил ледокол «Трувор». Колосков был мрачнее моря. (Если бы только можно было дохромать до порта самим!) Отвернувшись от «Труво-ра», он велел готовить буксир.

На рассвете был поднят на ноги весь отряд. Не дожидаясь

нашего возвращения в порт, комбриг выслал в море шесть катеров. Пешие и конные дозоры направились вслед за шхуной на юг, осматривая каждую бухту.

В тот день, сменив гребной вал и винт, мы снова вышли в море. Шторм утих, горизонт был чист. Никто из рыбаков на сто миль к югу от Соболиного мыса не видел огней гибнущей шхуны.

Только на четвертые сутки стало известно о судьбе «Кобе-Мару». И вот что случилось с Косицыным.

II

– Товарищ командир! – крикнул Косицын.

Никто не ответил. Корпус шхуны гудел от ударов. На палубе, сливаясь с морем, шипела вода.

Он сложил руки рупором и крикнул еще раз в темноту, где вспыхивали на ветру гребни волн:

– Товарищ команди-ир!

Он был один на мокрой палубе, освещенной только белозной пены. Желание услышать товарищей, увидеть хотя бы издали силуэт пограничного катера охватило его с удвоенной силой. Косицын продолжал кричать, поворачиваясь в разные стороны, так как потерял всякую ориентировку. Временами он делал паузы, чтобы перевести дыхание и прислушаться, но бесконечный, низкий рев моря глушил посторонние звуки.

Внезапная вспышка света заставила Косицына обернуться. Справа по носу шхуны прыгал с волны на волну прожекторный луч. Свет был на излете. Далекий, ослабленный водяной пылью, носившейся в воздухе, он терпеливо нащупывал шхуну. И Косицыну, несмотря на холод и мокрый бушлат, сразу стало веселей и теплей. Широко море, а не пропадешь!

Он вернулся к штурвалу и попытался поставить шхуну носом к волне. Это не удалось. Лишенная хода, «Кобе-Мару» рыскала из стороны в сторону, подставляя ударам борта.

Между тем расстояние увеличивалось. Гребни стали беспокойней, острее. Прожектор захватывал только концы мачт. Видимо, «Смелый» не мог осилить волну. Сузив глаза, озябший Косицын силился разобрать сигнальные вспышки, мигавшие на клотике «Смелого». Они были отрывочны, почти бессвязны.

«...Исправим... пойдём вами... зажгите бортовые... кливер... крайнем случае... берег».

– Есть так держать! – ответил по привычке Косицын, и снова в море стало темно.

Шхуна мчалась, не слушая руля, без бортовых огней, вздрагивая и раскачиваясь, точно пьяная.

Она неслась мимо мыса Шипунского, окаймленного полосой бурунов, мимо отвесной скалы с маяком, бросавшим в море короткие вспышки, мимо ворот в бухту, где находился отряд, – все дальше и дальше на юг.

Косицын снял бортовые фонари и попытался зажечь их, прикрывая бушлатом. Вода барабанила по спине, спички гасли от ветра и брызг. В конце концов Косицыну удалось зажечь фитилек, но волна неожиданно ударила сбоку, залила масленку и выбила коробок. С тяжелым сердцем он повесил на место темные фонари.

Приближался рассвет. Волны продолжала толпиться вокруг беспомощной шхуны.

Косицын то и дело бегал к борту. Он никак не мог привыкнуть к морским ухабам и каждый раз, возвращаясь к штурвалу с бледным лицом и затуманенными глазами, твердил про себя: «Довольно! Черт! Ну, хватит, я говорю!»

И снова, держась за леер, склонялся над морем. Когда рассвело, он взял ведро и смыл с дубовой решетки следы своей слабости. К счастью, палуба была пуста.

Вместе со светом к Косицыну постепенно возвращалась решительность. Надо было как-то действовать, распоряжаться беспомощной шхуной.

Он расстегнул кобуру, осторожно поднял подпорку-весло и жестами пригласил на палубу шкипера. Из осторожности он сразу захлопнул и укрепил дверцу в кубрик.

– Аната! – сказал он как можно тверже. – Надо мотор запустить, слышь, аната!

– Кому надо? Нам не надо.

Шкипер даже не глядел на бойца. Стоял почесываясь и зевая. Это возмутило Косицына.

– Пререкания? Я приказываю!

– Осен приятно... Я отказываю.

Машина была испорчена мотористом еще вчера. Косицын взглянул на фок-мачту, на темный жгут скатанной парусины, подумал и вынул наган.

– Чито? – спросил быстро синдо. – Чито вы хотите?

– Это дело мое. А ну, ставь кливер.

Они посмотрели друг другу в глаза, потом синдо повернулся и не спеша пошел к мачте. Косицын спрятал наган.

По правому борту, сливаясь с горизонтом, тянулась низкая полоса тумана. Изредка долетали дальние пушечные залпы прибоа. Как всегда на мелких местах, накат был огромен.

«Разобьет, – определил Косицын. – Обязательно разобьет!» Однако, как только кливер вырвался вправо и «Кобе-Мару» стала послушной рулю, Косицын решительно направил шхуну в туман.

Он так озяб, истосковался по твердой земле, что рад был сесть на камни, на мель, черту на спину, лишь бы спина эта была твердой. К тому же с рассветом увеличился риск встретить какую-нибудь японскую шхуну.

Шкипер отвел шкот к корме и сел на фальшборт напротив Косицына. Он был сильно встревожен: вертел шеей, прислушивался к шуму прибоа, даже снял платок, прикрывавший уши от ветра. Наконец, он не выдержал и заметил:

– Наверно, это опасно.

Косицын не ответил. Туман разорвало. Стали видны вы-

сокий накат, и берег, и темная зелень сопки. Сильно накренившись, шхуна шла прямо на камни.

– Благорозуйность – оружие храбрых, – сказал шкипер отрывисто. – Как это? Худой мир лучше доброго сора? Вы есть храбры... Мы тоже довольно сильны... – Он помедлил. – Хотите имец... как это... магарыч?

– Магарыч? Не понимаю... Я по-японски не обучен...

– Кажется, я говорю вам по-русскэ?

– А мне не кажется. Слова русские, смысл японский.

– Мы спустим шлюпку, – сказал быстро синдо. – Хорсо?

В иенах береце?

Косицын глядел поверх шляпы синдо на сопку, думая о своем. Земля была близко, а саженные буруны на камнях еще ближе. Жалко, мал ход. Развернет к берегу лагом, обязательно развернет. «Ну, держись!» – сказал он себе самому.

Всем сердцем он почуял близкий конец и, как часто бывает с людьми простодушными и отважными, разом захмелел от опасности, от сознания своей дерзкой, отчаянной силы.

– Давай! – крикнул он шкиперу. – Давай золото, давай все!

Ответа он не расслышал – набежала и оглушила волна, – но понял, что шкипер спросил: «Сколько?»

– Мильон! – крикнул Косицын, навалясь на штурвал. –

Все будет наше!

Шкипер глянул в молодое, ожесточенное лицо рулевого и разом ослабил шкот.

– Ну-у?! – спросил грозно Косицын, и кливер снова рва-

нулся вперед.

– Не надо, Иван! – крикнул синдо.

– Знаю! Отстань!

Шкипер подбежал к дверце, выбил весло. Из кубрика хлынули на палубу и загалдели японцы. «Кобе-Мару» несло прямо на сопку – темно-зеленую, курчавую, точно барашек.

Бросили якорь, но шхуну уже развернуло к берегу лагом и било днищем о камни. Через борт, ревя галькой, смывая людей, шла вода...

Ш

То был Птичий остров – невысокая груда песку и камней среди хмурой воды. Косицын понял это, едва солнце разогнало туман и за проливом встали пестрые горы материка.

С вершины сопки было видно все: берег, отороченный шумной волной, полоса гальки и водорослей, шесты с мокрым бельем, даже ракушки на дне перевернутой «Кобе-Мару». Широко и вольно дышало море, облизывая мертвую шхуну, а на пологих валах еще сверкали жирные пятна нефти и качались циновки.

Внизу дымился костер. Семь полуголых японцев сидели возле котла, по очереди поддевая лапшу, и косились на сопку.

Косицын снял все кроме трусов и нагана. Здесь он чувствовал себя куда крепче, чем в море, хотя царапины на пле-

че еще сильно саднило, а во рту было горько от соли. Все-таки земля. Горячая, твердая! Обдуваемый ветром, он спокойно поглядывал то на пленников, то на море.

Остров был свой, знакомый по прежним походам. Здесь иногда проводили стрельбы, рвали черемшу, собирали в бескозырки яйца чаек. Пусть шушукаются у котла! Шхуна разбита, на шлюпке далеко не уйдешь.

Стойкий запах травы и теплый воздух, струившийся над камнями, вызывали сонливость. Чтобы не задремать, Косицын ущипнул себя за руку и, надев еще сыроватый бушлат, решил обойти весь остров по берегу.

Плохая затея! Едва ноги его коснулись песка, как все мускулы занули, ослабли, запросили пощады. Утомленный качкой, Косицын готов был растянуться у подножия сопки. Как? Лечь? Он наградил себя жестоким щипком и, с трудом вытаскивая ноги, направился дальше.

То был остров без ручьев, без деревьев, без тени, заросший жесткой, курчавой травой. И жили здесь только птицы. Черные жирные топорки отрывались от воды и, с трудом пролетев сотню метров, ныряли прямо в дыры, пробитые в склоне горы. Зато чайки носились высоко, покачиваясь на упругих крыльях, смело дрались в воздухе и только изредка опускались на самые высокие скалы.

Весь восточный берег был завален влажным мусором. Косицын разглядывал его с любопытством, по-крестьянски жалея неприкаянное морское добро. Были тут измятые ржа-

вые бочки, стеклянные шары наплавов в веревочных сетках, бутылки, бамбук, обрывки сетей, циновки, багровые клешни крабов, водоросли с темными луковицами на конце каждой плети, куски весел, канаты, ветхие позвонки и ребра китов, пемза, доски с названиями кораблей и еще никого не спасшие пояса, шершавые звезды, медузы, тающие среди водорослей, точно куски позднего льда, истлевшая парусина чехлов – все мертвое, влажное, покрытое кристаллами соли.

Выше этого кладбища белели просторные залежи сухого плавника. Это навело Косицына на мысль о костре, высоком, дымном сигнале-костре, который был бы виден с моря и ночью и днем. Но когда он подошел к японцам и потребовал перенести сучья с берега на гребень горы, никто не шелохнулся.

Шкипер не захотел даже поделиться спичками.

– Скоси мо вакаримасен, – сказал он смеясь.

Семь рыбаков с присвистом и чмоканьем глотали лапшу. Они успели снять со шхуны и припрятать под водорослями два мешка риса, ящик с лапшой и целую бочку с квашеной редькой и теперь иронически поглядывали на голодного краснофлотца.

– Не понимаю, – перевел любезно синдо.

Косицын помрачнел. Он мог сидеть без воды, без хлеба, потому что это касалось лично его. Но спички... Костер должен гореть. И он спросил, сузив глаза, очень тихо:

– Опять р-разговорчики? Ну?

Только тогда улыбки погасли, и шкипер кинул бойцу жестяной коробок.

Что делать с «рыбаками» дальше, Косицын не представлял. Он прожил всего двадцать два года, знал мотор, разобрался в компасе, но еще ни разу не попадал на остров вместе с японцами.

Впрочем, он задумался ненадолго. Природная крестьянская обстоятельность и смекалка подсказали ему верную мысль – сразу взять быка за рога. В чистой форменке и бушлате, застегнутом на все пуговицы, он чувствовал себя единственным хозяином земли, на которой бесцеремонно расселись и чавкали подозрительные «рыбаки». Надо было с первого раза поставить японцев на место. Тем более что большая земля лежала всего в двух милях от острова.

Поставить... Но как? Он вспомнил неторопливую речь и манеру боцмана выступать на собраниях (одна рука позади, другая за бортом кителя), приосанился и сурово сказал:

– Эй, старшой! Разъясните команде мою установку. Вы теперь на положении острова. Это во-первых... Земли тут немного, да вся наша, советская. Это во-вторых. Значит, и порядки будут такие же. Самовольно не отлучаться, озорства не устраивать, во всем соблюдать сознательность, ну и порядок. Ежели что – буду карать по всей строгости на правах коменданта... Вопросы будут?

– Будут, – сказал быстро синдо. – Вы комендант? Хорсо. Тогда распорядитесь кормиц нас продовольствием. Во-пер-

вых, рисовая каша, во-вторых, рыба, в-третьих, компот. А?

Он торжествующе взглянул на Косицына и вслед за ним, не переставая жевать, на краснофлотца уставилась вся команда.

Комендант долго думал, подбирая ответ.

– Рисовой каши не обещаю, – сказал он серьезно, – с рыбой придется обождать... А вот компот вам будет. Обязательно будет. И в двойной порции! Понятно?

Никто не ответил. Боцман, толстяк в панаме и синей шанхайской спецовке, облизывал пальцы, с любопытством поглядывая на коменданта.

– А теперь учтем личный состав.

Тут комендант вынул карандашик и книжку и спросил боцмана, сидевшего крайним:

– Ваша фамилия?

Он спросил очень вежливо, но боцман только хихикнул. За толстяка неожиданно ответил синдо:

– Пожариста... Это господин икс.

– Ваша?

– Пожариста... Господин игрек.

Раздались смешки. Игра понравилась всем кроме коменданта.

– Отставить! – сказал Косицын спокойно. – Эта азбука нам известна.

Он подумал и, старательно оглядев «рыбаков», стал отмечать в книжке приметы: «Икс – вроде борова, фуфайка в по-

лоску... Игрёк – в шляпе, конопатый, косо́й...» На шкипера примет не хватило, и Косицын записал коротко: «Жаба».

...Плавник пришлось собирать самому. Девять раз Косицын спускался на берег и девять раз приносил на вершину сопки охапки вымытых морем, голых, как рога, сучьев.

Он тотчас разжег костер, но плавник был тонкий, сухой. Пламя быстро обгладывало ветки, почти не давая дыма. Тогда он принес с берега несколько охапок мокрых водорослей, и вскоре над островом за клубился бурый дым.

В каменной выемке на вершине горы Косицын нашел лужу с дождевой теплой водой, напился и даже вымыл чехол бескозырки. Затем он стал шарить в карманах, надеясь найти что-либо съедобное. Закуска оказалась жестковатой: перочинный нож... пуговица... ружейная гильза. Все это было облеплено клочками бумаги и липкой красновато-коричневой массой. Косицын вспомнил, что накануне положил в бушлат два ломтя хлеба с кетовой икрой (известно, что с полным трюмом легче выдержать качку).

Он извлек несколько пригоршней соленого месива и медленно съел, запивая водой из лужи. Поблизости от костра комендант отыскал гнезда чаек. В каждом из них лежало по три голубоватых теплых яйца. Он выпил десяток. Чайки носились вокруг, норовя клюнуть в бескозырку Косицына.

После завтрака к нему вернулась сонливость. Солнце светило так ровно, так мягко, что веки смыкались сами собой. Комендант стал разглядывать горизонт. Но море, отды-

хая после шторма, сияло голубизной, переливаясь, мерцало, ослепляя глаза. Тогда, чтобы не поддаваться соблазну, он решил привести в порядок «командную точку». Очистив площадку от крупных камней, он уложил их полукруглым барьером, сделал что-то вроде скамьи и протоптал на восточном склоне дорожку к залежам плавника.

Вечером комендант спустился к японцам. На этот раз «рыбаки» были заняты странной игрой. Обступив бесстрастного шкипера, они поочередно тянули у него из кулака соломинки. Самая длинная досталась боцману. Увидев Косицына, он отошел в сторону и стал чистить щеточкой ногти.

– Мы выбрали повара, – пояснил шкипер любезно. – Этот человек сварит кашу сегодня.

Косицын оглядел жеребьевщиков. Крепкие парни стояли полукругом, бормотали и кланялись с подчеркнутым дружеским любием. Маленький радист даже козырнул коменданту. Боцман спохватился, отвел глаза и медленно растянул щучий рот.

– Невеселый какой повар, – заметил Косицын. – Наверно, обжечься боится.

Было ясно – готовят какую-то пакость. Какую – Косицын не мог догадаться. В раздумье он обошел лагерь японцев. Циновки, котел, бочка, резиновые сапоги – все было как утром. Только шляпка лежала значительно ближе к воде. Прибой? А к чему обмотано бечевой треснувшее весло?

Комендант знал десятка два слов, но, вслушиваясь в лег-

кое стрекотанье японцев, похожее на скороговорку, мог уловить только знакомое «со-дес». Уж не собрались ли?..

Подумав, он выдернул из песка оба весла, на которых сушилось белье, и пошел с ними в гору.

Повар забежал вперед и тревожно спросил:

– Эй, Иван, зачем брал?

– Укоротить надо. Велика больно ложка, – ответил сурово Косицын, положа руку на кобуру...

IV

Наступила ночь, просторная, звездная. Костер на вершине сопки стал гаснуть, и шкипер отдал приказ выступать.

Как удалось выяснить позже, «рыбаки» утаили при обыске два ножа и плоский штык, который боцман умудрился спрятать в брюхе трески. Сначала было решено оружие в ход не пускать, ждать полицейскую шхуну, принявшую вчера сигналы «Кобе-Мару». Потом двое «рыбаков» (больше тузик не брал) взялись добраться до ближайшего острова Курильской гряды и вызвать подмогу. Но весла были на сопке у коменданта. Оставалось ждать, когда на помощь оружию придет сон.

И сон пришел. Было видно, как бледнеет, никнет в траву голодный огонь. Вскоре перестал шевелиться и комендант.

Чтобы не шуметь, японцы оставили на песке гета и резиновые сапоги. Верные постоянной тактике охвата, они раз-

бились на две группы и осторожно поднялись на сопку. Боцман, вытянувший накануне соломинку, должен был кинуться первым.

Костер погас. Комендант спал. На фоне звездного неба чернела сутулая спина коменданта. Бескозырка съехала на нос, и голова клонилась к коленям.

Боцман кинулся к спящему и, торопясь, ударил в спину ножом. Раз! Два! Он опрокинул Косицына в траву, а набежавшие из темноты «рыбаки» стали в ярости топтать коменданта.

Шкипер опомнился первым.

– Са-а! – крикнул он.

Вслед за ним вскочили другие.

И тогда «рыбаки» услышали знакомый сипловатый голос Косицына.

– Ну чего «а-а»? – спросил он неторопливо. – Убили сонного... Рады?

Он вышел из-за кустов и, сорвав бушлат с чучела, кинул болванку на угли. Вспыхнул ком водорослей, и разом стали видны невеселые лица японцев.

– Дай сюда нож, – сказал Косицын убийце. – Тоже кашевар навязался.

Он хотел сказать еще что-нибудь похлеще про самурайскую подлость, но сразу не мог подобрать нужное слово, а когда подобрал, по склону, вслед за японцами, уже сыпались камни.

Комендант расправил бушлат и вздохнул. Сукно было совсем свежее, первого года носки. Тем страшнее зияли на фоне огня две дыры.

– Какой бушлат загубил! – сказал с сердцем Косицын. – Чертов икс, насекомое вредное!

Ругаться он совсем не умел.

...Всю ночь Косицын провел в мокрой траве, изредка поднимаясь, чтобы подбросить в огонь плавника. И это было мучкой – чувствовать теплоту пламени, слышать прибой, мерный, как дыхание спящего, и не заснуть самому.

К утру рука коменданта посинела от крепких щипков. Он обтерся до пояса ледяной водой и снова принялся за работу. У него хватило сил запастись хворостом, вымыть тельняшку и даже почистить кусочком пемзы пряжку и потемневшие пуговицы. Он был комендантом, хозяином Птичьего острова, и каждый раз, проходя мимо молчаливой, враждебной кучки японцев, с усилием поднимал веки и старался ставить ногу твердо на каблук.

А песок был ласков, горяч. Сухие пружинистые водоросли цеплялись за ноги, звали лечь. И так настойчив был этот призыв, что Косицын стал обходить стороной опасное место, выбирая нарочно большие неровные камни.

В обед он снова отправился за яйцами. На этот раз все гнезда были пусты. Зато на песке возле «рыбаков» лежала целая груда яиц.

Такое нахальство возмутило Косицына. Он направился к

соседям с твердым намерением устроить дележку. Но едва поравнялся с циновками, как два «рыбака» прыгнули прямо в кучу яиц. Охваченные мстительной радостью, они принялись отплясывать нелепый воинственный танец среди скорлупы.

Отогнать? Пугнуть для порядка? Как ни голоден был комендант, он не хотел пускать в ход наган.

Косицын просто не заметил двух плясунов. Он развернул плечи и прошел мимо неторопливой походкой только что победившего человека. При этом он даже отдувался и ковырял спичкой в зубах.

Вероятно, хитрость голодного человека была очень заметна, потому что синдо усмехнулся. Это рассердило Косицына. Он замедлил шаг и сказал шкиперу по-хозяйски увесисто:

– Повар ваш по чужим кастрюлям горазд... Боюсь, свинцовым горохом подавится.

...Голод снова привел его на птичий базар. Скинув бушлат, Косицын стал шарить в норах, выбитых птицами в песчаном откосе. У топорков были железные клювы. Они защищались отчаянно. Косицын свернул головы двум топоркам и зажарил птиц на углях. Темное мясо горчило и пахло рыбой.

Что было дальше, он помнил плохо. С раскрытыми глазами комендант сидел у костра. Он ничего не видел, кроме огня и японцев, шевелившихся на песке.

Скалы плыли, двоились, волны почему-то набегали на траву, солнце гудело, точно большая паяльная лампа. Чайки

монотонно кричали «зря... зря...».

V

Был славный штилевой вечер, когда Косицын спустился с горы и сел напротив японцев. Утомленный непрерывной тревогой, комендант хотел смотреть врагам прямо в глаза.

– Ложись спать, аната, – сказал он устало. – Ложись спать, слышишь, чайки играют отбой.

Странное дело, никто из «рыбаков» не пытался возражать коменданту, точно вся команда молчаливо признала сопротивление бесполезным. Спать так спать!

Солнце погрузилось в тихую светлую воду. Утка спрятала голову под крыло. Дым над островом стоял на тонкой ноге, упираясь кроной в зеленое небо. В тишине было слышно, как гулькают волны, выбегая на отлогий песок.

Семь «рыбаков» ложились на циновки, потягивались, вкусно зевая. Стоило одному из них открыть рот, как зевота, обежав всю команду, поражала Косицына. Вскоре это было замечено, и японцы принялись откровенно поддразнивать коменданта. То один, то другой кривил спазмой рот, изображая крайнюю степень усталости. Со всех сторон неслись глубокие блаженные вздохи, похрустывание расправляемых связок, чмоканье, кряхтенье, сонное бормотанье – темная музыка сна, способная свалить даже свежего человека.

Чтобы стряхнуть дремоту, Косицын спустился к берегу и,

став на колени, погрузил лицо в темную воду.

Стало немного легче. Он смочил бескозырку и нахлобучил на голову. Только бы просидеть до утра. А там... Должен же «Смелый» заметить огонь.

Он снова вернулся к японцам. Кажется, они теперь спали по-настоящему, без нарочитого храпа и вздохов. Косицын еще раз пересчитал «рыбаков». Семь японцев лежали полукругом – головами к сопке, ногами к костру. Огонь и тот задремал: угли уже подернуло сединой.

Холодная вода стекала с лент бескозырки за шиворот. Командант даже не шевелился. Пусть, так лучше. Рука от щипков онемела, а капли все-таки гнали сон.

Вскрикнула птица. Повис, нудно заныл над ухом комар. Ниже, ниже... Звенит, переливается, тянет... Скорее бы рассвет, ветер, птичий базар. На свету как-то меньше слипаются веки. Он отмахнулся от комара. Медлит, сверлит... Хоть бы ужалил... Нудьга! Не комар – провод в степи... Откуда степь? Ерунда... Ветер? Нет, песня... Странная песня.

Он смотрел на угли, стараясь понять, человек то поет или просто гудит усталая голова. А сквозь сонный плеск моря заметно пробивалась песенка – грустная и простая.

То была песня-петля, песня-удавка. Прозрачная, безобидная, цепкая, она незаметно обволакивала тело и усталую волю бойца.

Он вскочил, отошел в сторону. Песня догнала его, пошла рядом, обняла за шею прозрачной рукой.

Душит, гнет, качает, баюкает... Что за черт! Кружатся звезды, качается берег, точно палуба. Ерунда! А быть может, почудилось?

Зябко стало коменданту. Он пошел быстрее, почти победил. Песня смолкла, отстала...

Из темноты навстречу взметнулась скала. С разбега привалился он к мокрому камню. Кровь сильно токала в царапину на плече. Промыть бы соленой водой... Завтра лекпом наложит повязку по форме...

Снова Косицын почувствовал вкрадчивое прикосновение песни. Она выползла откуда-то из темноты, из сырых водорослей, из камней, обняла и закрыла ладонью глаза.

Опускаясь на корточки, он твердил сквозь зубы себе самому:

– Я не хочу спать... Я не хочу спать... Не хочу.

Но песня была сильнее. Она сомкнула веки бойца, пригнула к коленям горячую голову. Спать! Спать! Все равно...

Он выпрямился, глянул с отчаянием в темноту. Коменданту почудилось, что на камне, напротив скалы, сидит шкипер. Руки синдо – локтями в колени, подбородок – в ладони. Лицо неподвижно, а под ресницами настороженно тлеют глаза. Вот оно что – песня сочится сквозь зубы.

И вдруг комендант понял: вяжут сонного! Еще минута – и песня шаг за шагом уведет его в темноту... Сволочи! Как быка!

Он рванулся, крикнул что было сил:

– Врешь! Не выйдет... Молчи!

И песня оборвалась. Стал слышен ленивый плеск моря.

– Хорсо, – сказал шкипер. – Я буду не петь. – Он оплел руками колени и добавил, мечтательно сузив глаза: – Извинице... я думал делать приятность. Сибираки любят красивые песни.

– Не сибиряк я... Молчи.

– Извинице, а кто?..

Косицын, пошатываясь, отошел от опасного места. Теперь он хоть видел в лицо врага. Темный страх, вызванный песней, сменился привычным ожесточением усталого и голодного человека.

– Спрашивать буду я, – сказал мрачно Косицын. – Не в своем болоте расквакались...

Они помолчали.

– Я думаю, вы, наверно, волжаник? – продолжал мечтательно синдо. – Волжанские песни тоже довольно приятны. Как это? Вы есть жив еще, моя старушек. Жив на привец тебе, привец... Наверно, так? Очень хорсо! – Шкипер подумал и сказал почти шепотом: – Признаюсь между нами, я тоже уважаю... свой добру старушек. Интересно, что думает сейчас моя стару, моя добру матерка?

Комендант пригорюнился, подпер кулаком небритую щеку.

– Думает... Известно, что думает.

– Да? Очень интересно. Скажите, пожариста.

– «Эх, и какую хитрую шельму я родила!»

– Ах, так, – сказал шкипер отрывисто. – Хорсо. Вы знаете правило: смеется, кто сильный?

– Вот я и смеюсь.

– Кто вы? Командир? Нет. Хозяин? Нет. Просто солдат. Мы все одинаково робинзоны.

– А я полагаю, робинзонов тут нет, – сказал в раздумье Косицын, – одни жулики, а я при вас комендант. Понятно?

Он с трудом поднял голову и добавил, зевнув:

– Волжские песни не пойте. Боюсь... рыбы подохнут.

VI

Дружный крик японцев вывел коменданта из дремы. Возбужденные «рыбаки» толпились на песке возле самой воды, громко приветствуя белую шхуну.

Радист, оравший громче других, сорвал желтую куртку и размахивал над головой, хотя на шхуне и без того заметили группу, – до корабля было не больше десяти кабельтовых.

Шхуна шла прямо к острову, и японцы наперебой объясняли Косицыну невеселую картину близкой расправы. Больше всех старался боцман, самолюбие которого было сильно уязвлено комендантом. Встав на цыпочки, он обвел рукой вокруг коротенькой шеи и высунул язык: «Что, дождался пенькового галстука?» Шкипер тут же любезно пояснил:

– Это нас... Это императорски корабр. Скоро вы можете

совсем отдыхац, господин... комендант.

– Вижу, – сказал Косицын невесело.

Он молча вынул наган, пересчитал пальцем японцев и, заглянув в барабан, заметил в тревожном раздумье:

– Семь на семь... как раз.

С этими словами он еще раз взглянул на корабль и отвернулся от моря.

Комендант не нуждался в бинокле. То была знаменитая «Кайри-Мару», голубовато-белая, очень длинная шхуна с надстройками на самой корме, что делало ее похожей на рефрижератор. Официально шхуна принадлежала министерству земли и леса, но выполняла различные деликатные поручения, оценить которые можно только с помощью уголовного кодекса. Стоило задержать в наших водах краболова или парочку хищных шхун, как на почтительном расстоянии от катера появлялась «Кайри-Мару» и затевала длинный разговор, полный намеков и прозрачных угроз. Не раз мы встречали ее по соседству с гидропортом, новыми верфями или возле лежбищ морского бобра, и Сачков, сердясь, обещал отдать один глаз, чтобы увидеть другим «бычка на веревочке». Он горячился напрасно. Оба глаза нашего моториста были в полной сохранности, а нахальная «Кайри-Мару» третий год бродила вдоль побережья Камчатки, перемигиваясь по ночам с заводами арендаторов.

Все было кончено. Косицын повернулся и пошел вдоль берега, стараясь определить место, к которому подойдет

шлюпка с десантом.

На что он надеялся, трудно сказать. Да и сам он не мог ответить на этот вопрос. Тяжелая кобура с дружеской неловкостью похлопывала его по бедру, точно желая в последний раз ободрить бойца.

Следом за Косицыным шли «рыбаки». Им надоело ждать, когда комендант свалится сам. А вид «Кайри-Мару» и шипение шкипера подогревали решимость покончить с Косицыным прежде, чем шхуна выбросит на берег десант.

Если бы на месте коменданта был Сачков или Гуторов, развязка наступила бы гораздо скорее: трудно сохранить патроны (и свою голову), когда палец так и тянется к спусковому крючку. Но Косицын был слишком нетороплив, чтобы ускорять события.

Он прибавил шаг, но и «рыбаки» зашагали напористой. Упрямые, легкие на ногу, они не произносили ни слова. Был слышен только быстрый скрип гальки да крики чаек, провожавших людей.

В молчании пересекли они ломкий плавниковый навал, перелезли через грядку камней и, спустившись вслед за Косицыным к морю, пошли по мокрой, твердой кромке песка.

Он обернулся и устало сказал:

– Эй, аната! Мне провожатых не надо.

Шкипер со свистом вобрал воздух, ответил учтиво:

– Прощальная прогулка, господин комендант!

Они пошли дальше. Это была странная прогулка. Впере-

ди рослый, чуть сутулый краснофлотец с угрюмым и сонным лицом, за ним семь нахрапистых, обозленных «рыбаков» в костюмах из синей дабы и пестрых фуфайках. Когда шел комендант – шли «рыбаки», когда комендант останавливался – делали стойку японцы.

Так они обогнули остров и вышли на северо-западный берег – единственно удобное для высадки место. Маленькая бухта, которую пограничники окрестили впоследствии бухтой Косицына, изгибается здесь в виде подковы с высоко поднятыми краями, которые отлично защищают воду от ветра.

Тут Косицын заметил впереди себя две длинные тени. Радист и боцман, забежав вперед, стали на пути коменданта. Остальные зашли с левого фланга, и все вместе образовали мешок, открытый в сторону моря.

«Рыбаки» наступали полукругом. Позади них, на голой вершине, еще шевелился огонь. Дым стоял точно дерево с толстым стволом, и его широкая крона бросала тень на песок.

Шкипер крикнул что-то по-своему, коротко. И на этот раз Косицын сразу понял: смерть будет трудной. В руках радиста был гаечный ключ, боцман размахивал румпелем, остальные держали наготове сучья и голыши.

Стрелять на близкой дистанции было неловко. Комендант попятился в воду и поднял наган. Странное дело, Косицын почувствовал облегчение. Настороженность, тревога,

не покидавшие его трое суток, исчезли. Пропала даже сонливость...

Он стоял твердо, видел ясно: злость и страх боролись в японцах. Боцман шел сбывчившись, глядя в воду. Шкипер закрыл глаза. Радист двигался боком. Все они трусили, потому что право выбора принадлежало коменданту. До первого выстрела он был сильнее каждого, сильнее всех... и все-таки они двигались...

Семь на семь. Ну что ж!

– Чего жмешься! – крикнул он боцману. – Гляди прямо. Гляди на меня!

Он стал тверже на скользких камнях и выстрелил в крайнего. Боцман упал.

Остальные рванулись вперед. Два голыша разом ударили коменданта в локоть и в грудь, сбив верный прицел.

– А ну! Кто еще?

Целясь в синдо, он ждал удара, прыжка. Но «рыбаки» неожиданно замерли. Один шкипер, серый от злости и страха, весь сжавшись, зажмурившись, еще подвигался вперед.

В море выла сирена...

Вытянув шеи, «рыбаки» смотрели через голову коменданта на шхуну, и лица их скучнели с каждой секундой. Кто-то швырнул в воду камень. «Са-а», – сказал оторопело радист. Синдо осторожно открыл один глаз, зашипел и разжал кулаки.

Косицын не мог обернуться: «рыбаки» были в двух шагах

от него. Он смотрел на японцев, силясь угадать, что случилось на шхуне, и понял только одно: терять время нельзя.

Он поправил бескозырку, опустил наган и пошел из воды на противника.

Радист попятился первым, за ним остальные. «Рыбаки» отходили от моря все быстрее и быстрее. Потом побежали.

На берегу комендант обернулся. «Кайри-Мару» шла под конвоем пограничного катера, закрытого прежде высоким бортом, – теперь шхуна медленно разворачивалась, открывая маленький серый катер, и зеленый флаг, и краснофлотцев, уже прыгавших в шлюпку.

...Как «Смелый» встретил «Кайри-Мару», рассказывать долго. Мы задержали ее в шести милях от Птичьего острова и сразу пошли на дымный сигнал (Сачков клялся, что на острове проснулся вулкан).

...Выскочив на берег, мы кинулись навстречу Косицыну. Но комендант, как всегда, не спешил. Славный увалень! Он хотел встретить нас по всей форме на правах коменданта Птичьего острова.

Мы видели, как он растопырил руки, приглашая японцев построиться, как переставил маленького шкипера на левый фланг и велел подобрать животы. После этого он отошел на три шага, критически осмотрел «рыбаков» и, скомандовав «смирно», направился к шлюпке.

Застегнув бушлат на все пуговицы, он степенно шел нам навстречу – отощавший, заросший медной щетиной.

Глаза коменданта были закрыты. Он спал на ходу.

Глава четвертая

Осечка

Если небо красно к вечеру,
Моряку бояться нечего.
Если красно поутру,
Моряку не по нутру.

Не верьте морским поговоркам. Из всех закатов, какие я помню, это был самый ясный, самый тихий, самый красный закат.

Всегда прикрытые дымкой хребты были на этот раз обнажены, очерчены резко и сильно. Прозрачный воздух открыл глазу дальние сопки с их гранеными вершинами и темными зарослями кедровника у подножий.

В тот вечер «Смелый» получил приказ доставить на Командорские острова жену начальника морского поста, а заодно два ящика лимонов и щипцы для клеймения котиков. Затем, как всегда бывает с теми, кто идет на острова первым рейсом, нашлись новые поручения. Нам передали зимнюю почту, сто связок лука, подвесной мотор, два патефона, икру, листовое железо, затем предложили взять глобус, корзину с цыплятами, олифу, коньяк, патроны к винчестеру, а в последнюю минуту вкатили по сходням шесть бочек кислой

капусты.

Мы грузились всю ночь и легли спать в четвертом часу, когда на той стороне бухты Авачинской губы уже ясно обозначился белый конус Вилучинской сопки.

На рассвете стало свежеть, ванты загудели от ветра, и море подернуло зябкой дрожью.

Мы отдали швартовы, но дальше ворот Авачинской губы уйти не смогли. Море было злое, ярко-синее, и белые гребни дымились от ветра, крепчавшего с каждой минутой.

Славный денек! Солнце, снежные горы, пыльные смерчи на улицах, рывки тугой парусины, девчонки, сжимающие юбки коленями, в то время как ветер расплетает им косы, свист, стон деревьев, громыханье железа и ставен, чья-то рубаша, птицей взлетевшая в синюю вышину, и надо всем – нестерпимо яркое, холодное солнце.

К полудню в Петропавловской бухте стало тесно от кораблей. Пароходы возвращались в порт точно из боя – с выбитыми иллюминаторами, погнутыми трубами, сорванными надстройками и фальшбортами. Хлебнув вдоволь страха и холодной воды, они жались к пристани так, что трещали бревна, а те, что не могли найти места в ковше возле города, стояли по ту сторону сигнального мыса, накренысь на подветренный борт, и держались за дно обоими якорями.

Вечером на улицах Петропавловска фуражек с крабами и кителей с золотыми нашивками было вдвое больше, чем кепок и пиджаков. Шквал оборвал провода, в ресторане на

всех столиках горели свечи, и загулявшие кочегары пили за тех, кто вернулся счастливо, и за тех, кто уже никогда не вернется: всем было известно, что шхуна «Сибирь» погибла утром со всей командой и грузом весенней сельди.

За пять суток ни один катер не вышел за ворота Авачинской бухты. Мы перебрались на берег и, пока шторм держал нас в осаде, принялись приводить свое хозяйство в порядок. Нужно было сменить дубовые решетки, высушить и залатать парусину, подновить шаровой краской потускневшие в походах борта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.